АЛЕКСЕЙ ОЧКИН

ИВАН-Я, ФЕДОРОВЫ-МЫ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В этой повести подлинные события и почти все подлинные имена.

Автор ее, Алексей Яковлевич Очкин, описывает боевые дела своего друга, «братишки» Вани Федорова, погибшего в Сталинграде смертью героя. Сам Очкин шестнадцатилетним пареньком добровольно ушел на фронт. Начал войну на Дону, участвовал в Сталинградской битве, где возглавлял группу «57 бессмертных», на Курской дуге повторил подвиг Александра Матросова, еще не однажды был тяжело ранен, но дошел по дорогам войны до конца: участвовал в штурме Берлина и освобождении Праги. Сейчас А. Я. Очкин кинорежиссер, пишет книги.

- Алексей Очкин
  -
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - Послесловие
- notes
  - 1

Алексей Очкин
Иван — я, Федоровы — мы

Героическая быль

1

В жаркий июльский день 1942 года по донской, пепельной от полыни степи, часто останавливаясь на разъездах, медленно двигался воинский эшелон с истребителями танков, разведчиками и саперами еще малоизвестной тогда сологубовской дивизии. Паровоз с трудом тащил красные солдатские теплушки, платформы с пушками и машинами и удивительный среди этого разнокалиберного состава зеленый классный вагон — в нем ехал комдив Сологуб со своим штабом.

В истребительно-противотанковом подразделении капитана Богдановича никто еще не знал, что придется участвовать в Сталинградской битве. Никто не предполагал, что «сорокапятки» — пушчонки малого калибра — и противотанковые ружья остановят немецкие бронированные корпуса 6-й армии Паулюса, которые сейчас катились по раздольным донским степям, прорвав нашу оборону на широком фронте. На соединение с Паулюсом, повернув с Кавказского направления, спешила 4-я танковая армия Гота. Именно поэтому в одну из ночей подразделение капитана Богдановича в составе дивизии Сологуба погрузили в эшелоны, и лишь за Поворином, откуда пошла однопутка на Сталинград, они догадались, куда едут…

На первом перегоне от Поворина поезд нагнали легковые машины; двигаясь параллельно железнодорожному пути, они то

обгоняли эшелон, то отставали. Бойцы батареи лейтенанта Дымова у раздвинутой настежь двери теплушки свесились за перекладину и, показывая кукиш машинам, кричали: «Накось, догони!» Задавал всему тон сам лейтенант. Он вылез за перекладину, держась за нее рукой, подставил грудь горячему тугому ветру с запахами прокаленных трав и смолистых шпал и размахивал пилоткой: «Эй, машинист! Поддай пару!» Ему вторили хором бойцы и громче всех звонкоголосый запевала, наводчик противотанкового орудия Иван Берест, курчавый, цыганистый парень. Уж на что степенный, самый старший по годам, великан Черношейкин и тот не выдержал, поднялся с нар, где, покуривая, сидел складным ножиком, и теперь высился над всеми, худой, горбоносый, с усами, торчащими метелочками.

Машинам все труднее было лавировать между чернеющими вдоль пути воронками от бомб, и они отстали. А бойцы, входя в еще больший азарт, чуть не вываливались из вагона. И тут лейтенант Дымов спохватился… ведь он не только командир, но к тому же сегодня и дежурный по части! Отойдя в глубь вагона, он одернул гимастерку, прикрикнул на бойцов: «Прекратить!»

Лейтенант был очень молод. Когда запылала в огне войны родная Смоленщина, в горячке военкоматовских дел ему, рослому парнишке, удалось прибавить себе два года. Военным врачом в призывной комиссии была его мать, которая, зная упорный характер сына — сама воспитала таким, закрыла на это глаза. После сокращенного курса Ленинградского артучилища, где на окопных работах его ранило, он прибыл в Сибирь, командовал взводом; перед самой отправкой на фронт командира противотанковой батареи перевели в другую часть, и лейтенант временно стал исполнять обязанности комбата. Как ни старался он выглядеть бывалым военным, все обнаруживало в нем только что испеченного командира: и самодельная портупея через плечо, и прикрепленные нитками к петлицам, вырезанные из жести кубики, и главное не скроешь семнадцати лет, когда вместо усов лишь белесый пушок, а из-под сдвинутой набок пилотки топорщится крылышками русая прядь.

Показался разъезд. Паровоз дал протяжный гудок, но семафор по ту сторону разъезда оставался закрытым, и поезд стал замедлять ход. Перекатисто звякнули буфера.

Не дождавшись остановки, лейтенант выпрыгнул из теплушки и пробежал несколько метров по хрустящему шлаку. Разъезд был глухой — два пути с одинокой будкой, а вокруг ровная однообразная степь.

Дымов смахнул крошки шлака с начищенных до блеска сапог, поправил портупею, которой очень гордился, выменяв ее за

полбуханки хлеба, сделал строгое лицо, для солидности прижав подбородок к груди, и зашагал вдоль эшелона. Со стороны могло показаться, будто мальчишку обидели, и он надулся. Но стоило ему увидеть новенькие пушки, как он одним махом вскочил на платформу и, вдыхая запах свежей краски и масел, погладил рукой отливающую синью вороненую сталь орудия, открыл снарядные ящики, потрогал гильзы в заводской смазке. Заметив, что на него с улыбкой смотрят часовые, строго предупредил:

— Ну, глядите мне в оба.

Солдаты, подтянувшись, бодро выпалили:

— Есть глядеть в оба!

Спрыгнув с платформы, лейтенант в самом развеселом настроении зашагал вдоль состава принимать доклад от дневальных по вагонам и наблюдателей «за воздухом» (так назывались дежурные бойцы у зенитных пулеметов). Обошел десятка два платформ и вагонов, в которых ехали истребители танков. Дальше располагались саперы и разведчики; там делать было нечего, но его неудержимо влекло к штабному вагону комдива. Впервые увидев в Сибири рослого бритоголового Сологуба, Дымов поразился его внешнему сходству с портретом бесстрашного Котовского. С той встречи и тянуло лейтенанта к Сологубу.

Пассажирский вагон комдива в соседстве с красным, побитым осколками бомб товарняком выглядел неправдоподобно мирным. Дымов шел, искоса поглядывая на окна. Он уже потерял надежду увидеть Сологуба и в тот же миг вздрогнул от неожиданности… Из последнего окна прямо на него пристально смотрели серые, широко расставленные глаза. Рука Дымова потянулась к пилотке, он чуть было не прошелся строевым, но сдержался: Сологуб, не замечая его, смотрел куда-то вдаль, обхватив пятерней бритую голову…

Лейтенант повернул назад. Солдаты уже высыпали из вагонов. Сержант Кухта, отпустив ремень на пять дырочек, облегченно вздохнул, вытащил из кармана широченных брюк табак и газетку, сложенную гармошкой, стал свертывать цигарку. Усач Черношейкин уже проворно изготовил папироску и, пригнувшись, выбивал кресалом огонь.

— Степь хоть шаром покати, танкам раздолье, — заметил ему Кухта.

— Вот они и прут безостановочно, — согласился Черношейкин и, увидев подходившего лейтенанта Дымова, толкнул Кухту: — Директор! Убирай живот…

Сержант Кухта тут же стал затягивать ремень. Ему больше всех доставалось на занятиях по строевой и одиночной

подготовке бойца. Дымов решил сделать из бывшего директора военного и с присущей юности уверенностью, что при желании всего можно добиться, поставил своей задачей ликвидировать излишнюю солидность Кухты. Тот никак не мог «обучиться», как он говорил, ползать по-пластунски, а лейтенанту казалось, что именно этим способом удастся добиться успеха. Сержант старался, протер на животе шинель, но «обучиться» не смог.

На этот раз Дымов, строго взглянув на него, прошел мимо. Молодые солдаты состязались: кто дальше пройдет по рельсу, и лейтенант тоже не удержался от искушения и, балансируя руками, пошел по рельсу вслед за Анечкой — санинструктором. Она звонко постукивала о зеркальную стальную поверхность железными подковками кирзовых сапог; при каждом их ударе ее полноватые, тугие икры, обтянутые оранжевыми в резиночку детскими чулками, упруго наливались. Для лейтенанта, как и для других, она пока была девушкой-загадкой: ее определили в часть за несколько дней до погрузки в эшелон; кроме того, что ее с теткой эвакуировали из Москвы, где погибли родные, никто ничего не знал о ней. Небольшого росточка, девушка была так хорошо сложена, что не казалась маленькой; все на ней сидело ладно, и даже грубая солдатская гимнастерка не могла скрыть ее грациозной фигурки; темно-русую косу она крепко скручивала на затылке и прятала под пилоткой, не по размеру большой.

Лейтенанту удалось дойти почти до вагона, в котором располагалась его батарея, как вдруг он увидел такое, отчего остолбенел и потерял равновесие. Брезент, покрывавший машины на платформе, словно живой, зашевелился, отогнулся край, и оттуда брызнула струйка… Дымов приподнял брезент. Парень лет четырнадцати, со шрамом на правой щеке, в длинной шинели и больших солдатских ботинках застегивал штаны.

— А ну марш отсюда, «заяц»! — скомандовал лейтенант.

Парень невозмутимо закрылся брезентом.

Дымов отбросил брезент:

— Кому говорят? Проваливай, пацан!

— Сам ты пацан!.. — огрызнулся парень. Волосы на его голове топорщились, что иглы у ежа, в колючих глазах таилась угроза.

За спиной лейтенанта раздался смех. Дымов обернулся… Бойцы у пулеметов задрали головы кверху и как-то уж слишком усердно наблюдали «за воздухом». Анечка, покачиваясь, будто танцуя, шагала по рельсу, и к ней тоже нельзя было придраться. Только у сержанта Кухты не успела сойти улыбка с лица.

— Сержант Кухта! Поправьте ремень, — приказал Дымов. — А то живот у вас выкатился, что арбуз…

— Куда ж мне его деть, товарищ лейтенант! И на море ездил — не помогло. И вы меня сколько обучали по-пластунски — не помогло…

Бойцы еле сдерживались, готовые рассмеяться, а мальчишка откровенно загоготал, замахал от удовольствия длинными рукавами шинели.

— Эй, ты! Слазь! Приехали! — Возмущенный лейтенант схватил парня за полу шинели.

— Гляди, командир выискался! — Парень подался назад и брыкнул лейтенанта в лоб.

Дымов, окончательно выйдя из себя, поймал обидчика за ногу и стащил с платформы. Но тут же получил подножку…

Поглядеть на неожиданное происшествие сбежались солдаты. Опозоренный Дымов уже всерьез боролся с парнем, а тот был, по всему видно, заправским драчуном. Солдаты шумно выражали свое одобрение, Анечка громче всех:

— «Зайчик»! Не сдавайся!..

Сержант Кухта хитро подмигнул стоявшему рядом ефрейтору Черношейкину:

— Пожалуй, лейтенанта ему не осилить.

Тот на полном серьезе возразил:

— Может. Малый широк в плечах.

— Ну, где там… — продолжал Кухта, — наш лейтенант — орел!

А мальчишка, притворившись, что побежден, вдруг ловко перебросил лейтенанта через себя. Черношейкин толкнул Кухту в бок:

— Накось! Вот тебе и «не осилить».

— Слаб ваш командир! Слаб! — прыгала от восторга Анечка.

Наконец лейтенанту удалось прижать парня к земле.

В это время подошел встречный поезд. Разгоряченные борьбой драчуны не заметили, как воинский эшелон тронулся… Так их и втащили в вагон.

Дымов не умел подолгу держать обиду. Потерев на лбу шишку, приказал сержанту Кухте накормить «зайца».

— А потом разберемся, кто такой, зачем и откуда.

Мальчишка презрительно сплюнул.

Сколько ни подступались к парню, он ни в какую: котелок не берет, имени своего не говорит и сидит, словно никого нет рядом. Нелюдимыш. А в глазах такое, что прямо тоска пробирает…

Ефрейтор Черношейкин подал всем знак — не троньте малого! — пробрался к двери, примостившись рядом с парнем, спустил длинные ноги наружу, свернул цигарку и протянул кисет:

— Куришь?

Тот отрицательно мотнул головой. Ободренный таким началом, усач, попыхивая цигаркой, отметил:

— Ну и молодец! А я вот сызмальства баловался, так отец меня знаешь как вожжами протаскивал!

— То-то, гляжу, что жердь вытянулся, — не поворачивая к нему головы, заметил мальчишка.

Солдаты прыснули. Не удержался и лейтенант. Парень остановил на нем свой взгляд:

— Гляди, от смеха пупок развяжется!

Черношейкин, довольный, что вызвал наконец молчуна на разговор, заметил ему:

— Да-а… Отцы, они у всех строгие. У тебя батька небось тоже строгий?

— Был батька, да сплыл!

— На войне погиб или как?

— На гулянке, — отрубил парень и отвернулся от Черношейкина.

Бойцы притихли. Острый на язык парнишка и нравился им и возмущал своей дерзостью. Кухта рассердился:

— На войну едешь, а от солдатской каши нос воротишь! Бери котелок. Командир давно забыл про обиду.

Злое и от этого некрасивое лицо мальчишки вдруг преобразилось: оно стало по-детски озорным и привлекательным. Со смущенной улыбкой он посмотрел на сержанта Кухту, на лейтенанта Дымова и спросил:

— Возьмете меня?..

Сержант даже растерялся:

— Это как командир… — И обернулся к Дымову: — И вправду, может, возьмем его, товарищ лейтенант? На кухню.

Дымов знал, что это невозможно, потому что командир части, «железный капитан» Богданович, не допустит ни малейшего самоуправства, но все смотрели на него с такой надеждой, будто он сам может решить. Чтобы не показать свою беспомощность, лейтенант согласно кивнул. И тут уже окончательно просветлело рано огрубевшее лицо парня, совсем погас злой огонек в глазах. Взял у сержанта котелок и так принялся за кашу, что всем стало ясно: малый не меньше трех дней «постился». Не успел он справиться с кашей, глаза начали слипаться.

— Соснешь чуток? — предложил Черношейкин. — А каши мы после еще дадим…

Паренек молча забрался на нары, блаженно раскинулся, может быть, впервые за время своих мытарств, и сразу уснул.

К полудню железная крыша накалилась, в вагоне стало душно. Бойцы раздвинули двери. На первой же станции они собрались наполнить водою фляги, но только поезд остановился, раздался знакомый голос:

— Ну, где там у вас «заяц»?

Бойцы соскочили с нар, вытянулись. По стремянке взобрался в вагон командир части капитан Богданович, за ним комиссар Филин. Богданович худой, высокий, смуглый, с вывернутыми, как у негра, губами. Бойцы его побаивались и недолюбливали — на ученье в Сибири он без конца будил их ночью по тревоге и приказывал совершать марши в ледяную стужу. За

необыкновенную требовательность к себе и другим прозвали его «железным капитаном».

Комиссар Филин, еще очень молодой, старался выглядеть строгим, но глубоко запавшие глаза, прикрытые лохматыми бровями, если присмотреться, были смешливыми и вызывали улыбку. Бойцы не переставали удивляться комиссару, примечавшему все, называли его про себя «чертом глазастым» и объясняли это исключительное свойство фамилией — Филин. И теперь комиссар сразу же заметил за спинами солдат парня на нарах.

— Вот он, «заяц», товарищ капитан!.. — И, шмыгнув мимо расступившихся солдат, стал будить мальчишку: — Э-э, приехали, подъем…

За время путешествия на колесах парень, видно, привык к частым побудкам и проворно соскочил с нар.

— Куда, малец, путь держишь? — строго спросил Богданович.

— На фронт, товарищ капитан.

— Ну-ка, фронтовик, слазь…

— Глянь-ка, чего выдумал! — искренне удивился мальчишка и посмотрел на бойцов: мол, втолкуйте ему, что я еду с вами. Но все почему-то молчали.

— Вот что… — посоветовал капитан, — залезай на обратный и дуй до дому.

— Обратно не поеду.

— Сдать коменданту станции, — распорядился Богданович.

— Товарищ капитан, — начал было Дымов под укоризненным взглядом мальчишки, — может, разрешите…

— Не разрешаю! — отрезал Богданович. — Это вам война или детский сад?

Парень шагнул к двери, капитан придержал его за ворот, а тот крутнулся вьюном, и в руках Богдановича осталась одна шинель.

— Дымов, изловить «зайца»! — приказал капитан.

В это время поезд тронулся…

На следующей остановке Дымов «изловил» «зайца» и сдал военному коменданту. Но только поезд набрал скорость, крыша вагона прогремела жестью, и на стоянке дежурные зенитчики доложили лейтенанту:

— «Заяц»-то сидит на вашей крыше.

— За мной! — приказал бойцам Дымов, взбираясь на вагон.

По жестяным крышам загрохотали тяжелые солдатские сапоги. А мальчишка был неуловим — бежит, бежит и вдруг круто поворачивает в обратную сторону, прыгает козлом с вагона на вагон. Паровоз дал сигнал к отправлению, и погоню пришлось

прекратить.

Как только эшелон остановился, Дымов с бойцами бросился на розыски и скоро доложил капитану, что малого нигде нет.

— Не может такой отстать. Ищите! — приказал Богданович.

Но «заяц» исчез.

Капитана тревожило, что мальчишка мог сорваться с крыши на ходу поезда. Бойцы и лейтенант были расстроены не меньше, они даже имени у него не выпытали. Но скоро новые события отвлекли их…

Те самые машины, что отстали на перегоне, наконец нагнали эшелон. Из первой легковушки проворно выпрыгнул широкогрудый генерал. Его окружили сопровождающие — в большинстве полковники. К генералу уже спешил Сологуб. Он отмерял такие шаги, что адъютанту приходилось бежать за ним вприпрыжку. Дымов услышал, как, подойдя к генералу, комдив начал докладывать:

— Товарищ генерал-лейтенант! Вверенная мне дивизия следует на фронт…

— Вижу, как она следует! — оборвал его генерал. — На пятьсот километров твоя дивизия растянулась в эшелонах.

Сологуб пытался вставить слово:

— Василий Иванович… Не пропускают. На пути все семафоры закрыты.

Генерал еще больше разгневался:

— Да ты знаешь… немцы овладели населенными пунктами, которые ты должен оборонять. Голову сниму!

— Товарищ генерал-лейтенант… — так же спокойно продолжал Сологуб. — От Поворина на Сталинград — однопутка. Ждем встречных поездов.

И то, что Сологуб спокойно объяснил причину задержки эшелонов в пути, именно эта невозмутимость его охладила генерала, и он, сдерживая еще кипевший в нем гнев, отрывисто спросил:

— Где дежурный разъезда? Где он окопался?

— В погребе, Василий Иванович. Станцию разбомбили, так он в погребе. Видите, туда провода тянутся…

Генерал-лейтенант с комдивом направились к погребу, от которого веером расходились провода.

У адъютанта комдива Дымов разузнал, что генерал — командующий армией Чуйков. Адъютант пожаловался Дымову, что сегодня Сологуб его загонял — все время требует давать телеграммы-шифровки всем комендантам станций, через которые проследуют эшелоны дивизии.

Вскоре появился командарм Чуйков с Сологубом. Они пошли

вдоль эшелона. Когда командарм поравнялся с батареей лейтенанта Дымова, все замерли, лишь Кухта, пытаясь убрать свой живот, от старания сопел, нарушая тишину. Чуйков, обратив внимание на ромбики со скрещенными стволами орудий на рукавах солдат, остановился:

— Здравствуйте, истребители танков!

— Здравия желаем, товарищ командарм! — выдохнули единым духом бойцы.

— Это вы мне по дороге показывали фиги? — Командарм испытующе оглядел всех и обратился к Черношейкину: — Ну, вот вы, ефрейтор, отвечайте.

— Так точно, было такое… — запинаясь, ответил усач, — не думали, что вы…

— Не думали? А другим, значит, можно?

— Никак нет. — Черношейкин испуганно «ел глазами начальство».

Неожиданно командарм рассмеялся:

— Весело едете. Значит, бодрый-то дух есть?

— Так точно, дух есть… — робко вставил Черношейкин.

Чуйков оборвал смех:

— Дух есть, а немец бьет нас. А?

— Так точно! Танков у него уйма, — вытянулся усач. — Однако мы его тоже дубасили в империалистическую.

— Гляжу, старый солдат, — заметил командарм. — По годкам тебе на печке бы сидеть.

— Что ж я, бессовестный? — возмутился Черношейкин. — Вон какие молокососы идут на смерть, — кивнул он в сторону лейтенанта, — а я на печке буду сидеть? Мы тут одного «зайца»-парнишку сгоняли с эшелона… Прости господи, только от горшка оторвался и на войну бежит!

Командарм пожал Черношейкину руку:

— Вижу, солдат, боевой дух у тебя есть. А что ж сразу-то оробел?

— Так точно! — подтвердил уже осмелевший Черношейкин и признался: — Не приходилось видеть самого командарма. Все ж таки вы… птица важная.

Суровые, по-мужицки крупные черты лица командарма смягчились, губы дрогнули в улыбке. Взгляд строгих глаз теперь был добродушно-веселым и каким-то очень домашним, никак не вязавшимся с властным обликом командарма, который за два десятка с лишним лет перенес не одну войну и имел за плечами много ратных дел. Он взглянул пытливо на Аню и спросил:

— Сестричку не обижаете?

— Никак нет, — встретившись с его веселыми глазами,

озорно щелкнула каблуками Аня. — Санинструктор Косопырикова.

— Разве это допустимо обижать… — не удержался Кухта.

— А что у тебя, браток, живот того… директорский?

— Я директором маслозавода был, товарищ командарм.

— То-то, гляжу, он у тебя, как… — Чуйков сделал рукой округлое движение.

Теперь смеялись все, Кухта тоже. Смеялись, словно и не было войны, словно перед этим не получал командарм сводку о том, что противником заняты те населенные пункты, которые его армия, еще следующая в пути, должна была оборонять.

В самой натуре командарма, сына крестьянина, прошедшего путь от рядового до генерала, была потребность поговорить с солдатами по душам, узнать их мысли, настроение, а значит, узнать и нечто такое, что помогло бы ему в нужный момент принять верное решение. Ведь именно с ними вместе ему на днях придется вступить в бой с бронированной немецкой лавиной.

Паровоз дал сигнал к отправлению. На прощание командарм пожал каждому руку, задумчиво сказал:

— Ну, истребители танков, нелегко нам будет, ой как нелегко…

Теперь эшелон летел без остановок. Встречные поезда дожидались его на станциях и разъездах, а эшелон мчался напролет, будто сам командарм открыл все семафоры. И мысли у молодых не текли плавно в одном направлении, как у бывалых солдат, они, словно быстрые стрижи, стремительно проносились, теснились и тут же разлетались. И черные отметины войны — остовы разбитых станций, скелеты сгоревших вагонов, степь, исклеванная, будто оспой, воронками бомб, которых все больше попадалось на дороге, — нисколько не смущали лейтенанта и его бойцов. Колеса отбивают: «на фронт, на фронт…» Прощай учеба, марши, тревоги! Скоро они будут жечь не фанерные, а настоящие фашистские танки. На сердце радостно и в то же время как-то тревожно.

Стемнело. Товарный вагон покачивало, как на волнах. На полу у раздвинутой двери сидели сержант Кухта, Черношейкин, лейтенант Дымов, Иван Берест, позади вся батарея. Мелькали в черных проемах дверей белые телеграфные столбы… Сержант Кухта вспоминал свою молодую жену, с которой они прожили всего год с небольшим. Заплаканная, с малышом на руках, провожала она его, не могла смириться, что он сам ездил в военкомат «снимать с себя броню». А он доказывал, что ему, здоровому мужику, неудобно директорствовать над подростками и стариками, оставшимися на маслозаводе. Такой и запомнилась

она ему: некрасивая, с распухшими от слез глазами.

Черношейкин горевал, что пришла пора дочь замуж отдавать, а ему вряд ли доведется погулять на ее свадьбе. И младшенькая без него в школу пойдет…

И Ване Бересту, веселому запевале, взгрустнулось: перед самым уходом в армию познакомился с девушкой, очень приглянувшейся ему, а попрощаться с ней так и не довелось…

А Дымов в дороге чувствовал себя привычно. С детства его часто брала с собою на выезды мать, сельский врач. Исколесили они всю Смоленщину. Запомнились ему бесконечные дороги: летние — черноземные и песчаные, среди зеленых и зреющих хлебов; весенние и осенние, размытые, с глубокими колеями; зимние — накатанные, блестящие от полозьев.

Сколько разных людей повстречали они на пути, скольких она, с виду ничем не примечательная женщина, уберегла от бед. Как она теперь там одна, в блокаде воюет? Каждый раз при воспоминании о Ленинграде сердце у лейтенанта тревожно ныло…

Паровоз, тяжело дыша, сыпал красными искрами в ночную степь. Накаленные за день просмоленные шпалы и железные крыши вагонов пыхали жаром, сквозной ветер не приносил свежести с выжженной степи, не спасал солдат от изнуряющей духоты. Знойное, жаркое лето выдалось в 1942 году.

2

В буденовке, с такими длинными усами, что их приходилось закладывать за уши, лейтенант Дымов мчался на коне по горящей степи, прыгал по гребням морских волн, парил в воздухе. Он гнался за стервятником, который уносил в когтях девушку в военной форме и точь-в-точь в таких же детских оранжевых чулках в резиночку и кирзовых сапогах с подвернутыми голенищами, как у Аньки-санинструктора…

— Лейтенант Дымов!

Этот голос Дымов узнал бы среди тысячи других. Сколько раз он будил его ночью в казарме, не давая досмотреть ни одного сна, сколько раз этот голос приказывал шагать в ночь, в обжигающий мороз. Лейтенант нехотя открыл глаза, поднял голову с вещмешка и увидел пустой вагон; через раскрытые двери в серой предрассветной мгле угадывалась бурая степь.

— На войну вас привезли или в детский сад?! — раздался снова голос капитана Богдановича.

Дымов вскочил с нар, выбежал на голос капитана, вернее вылетел, как летучая мышь, потому что, как ни страшен ему был этот голос, он окончательно глаз не продирал, надеясь, что ему все-таки удастся досмотреть сон и спасти Аньку-санинструктора.

Не успел он оправить гимнастерку, как Богданович, вытянувшись по стойке «смирно», взметнул руку к козырьку фуражки и с подковыркой доложил Дымову:

— Товарищ лейтенант! Истребительно-противотанковая часть приступила к разгрузке. Разрешите продолжать?

Дымов знал, что в таких случаях лучше молчать. Он застыл перед капитаном, готовый к разносу.

— Дайте ему сон досмотреть, — подходя, с усмешкой сказал комиссар Филин. — Ему красивая девушка приснилась.

«Ишь, черт глазастый, и внутри видит!» — поразился Дымов. Сонливость у него как рукой сняло. Одернул гимнастерку, глянул капитану прямо в глаза:

— Виноват, товарищ капитан…

— Каждый раз пушкой будить вас, что ли? — еще больше возмутился капитан. — Эшелон разбомбят, а вы будете сны смотреть? На разгрузку техники даю полчаса!

Козырнув, лейтенант четко повернулся и помчался к бойцам своего подразделения: те уже открыли борта платформ и прилаживали помост. Шоферы раскручивали железные тросы, крепившие машины. Торопились… Доносился рокот немецких самолетов, летевших на большой высоте. Сержант Кухта, заметив

Дымова, хотел было дать команду «смирно», но лейтенант махнул рукой и принялся со всеми за работу.

После ухода Дымова капитан заметил Филину:

— Рановато, комиссар, мы его поставили на батарею. Молод еще. Ходить и ходить ему бы во взводных…

Филин возразил:

— Время не то — ходить долго во взводных.

Отдаленный гул самолетов становился все явственнее.

— Надо спешить с разгрузкой, — сердито сказал капитан. — Немцы проснулись. Слышишь?

— За полчаса управимся, — успокоил его комиссар. — Маршрут получили?

Капитан вытащил из планшетки карту с нанесенной обстановкой, ткнул пальцем в красный кружочек, где было отмечено место сосредоточения:

— Идем занимать оборону в центральную излучину Дона.

Филин, глядя на карту, покачал головой:

— Надо же!.. Морозовская и Суровикино уже заняты.

— Хорошо, если наши еще держатся на реке Чир, — покачал головой капитан, пряча карту в планшетку, и, прихлопнув ее, добавил, уже как отдавая приказ: — Я в голове колонны еду. Ты на замыкающей машине. Если налетят немцы, всем разъезжаться немедля.

— Товарищ капитан! — раздался голос Черношейкина. — Разрешите обратиться до вас…

— Ну, чего еще там? — обернулся Богданович.

Черношейкин и Аня подвели к ним подростка с черным, как у негритенка, лицом, на котором сверкали одни белки глаз.

— Африканца вот обнаружили… — загадочно улыбался ефрейтор.

— Что за африканец?!

— Да парнишка, что удрал от нас. Поглядите… — Черношейкин подтолкнул к капитану парня. — Он теперь маскировку принял под африканца. Вы еще думали: сорвался где под колеса. А он жив, здоров. И трогать его нельзя — иностранцу полагается полная неприкосновенность.

— Ты?! — удивился капитан. — Тот самый?

— Ага, — подтвердил парень и звонко чихнул.

— По форме товарищу капитану докладывай, — сделал замечание усач. — А то как же брать тебя на войну.

— Товарищ капитан, я есть тот самый, — вытянулся мальчишка. — Ап-чхи!

Сдерживаясь, чтобы не рассмеяться, комиссар спросил:

— На тендере ехал? В уголь зарылся?

— Как в воду глядел.

Черношейкин ткнул мальчишку в бок:

— «Товарищ комиссар» — надо говорить.

— Как в воду глядел, товарищ комиссар! — подобравшись, отчеканил парень. — Углем обложился, только щель оставил, чтоб без воздуха не сгибнуть. Меня не видят, а я всех вижу.

Капитану на этот раз понравился смекалистый мальчишка.

— Как тебя ругают? — поинтересовался он.

— Иван я, Федоровы мы. Ап-чхи!

— Находчивый ты, Федоров!

— А как же… Возьмете теперь? — Парнишка не спускал глаз с Богдановича, и столько надежды и веры было в них, что сердце «железного капитана» дрогнуло.

Однако подавил минутную слабость:

— Накормить и отправить назад!

— Чего-чего? Всю нашу деревню немцы спалили. Федоровы мы все были. Может, один я остался… Так что обратно не поеду!

— Не ершись, — посоветовал ему Черношейкин. — Раз приказывают, беги через путь в балочку, кухня там.

Голод давал знать о себе, и мальчишка побежал.

Но капитан окрикнул его:

— Федоров, назад!

Тот с невозмутимым видом вернулся и, придерживая левой рукой длинные полы шинели, козырнул правой:

— Товарищ капитан, разрешите пойти до повара, брюхо набить.

— Иди набивай, — бросил капитан с такой строгостью, словно парнишка был уже его подчиненный.

Едва не запутавшись в полах шинели, Федоров повернулся по-солдатски через левое плечо и сорвался с места.

Комиссар рассмеялся:

— Смышленый! Военными командами овладевает на лету.

Федоров уже пересек путь, как вдруг натолкнулся на Дымова.

— Ты?! — Лейтенант обрадовался, что «заяц» жив и невредим и он его сейчас представит капитану.

— Ну, я, — пытался вырваться Федоров. У него с новой силой вспыхнула неприязнь к лейтенанту, который был не так уж намного старше его, а почему-то распоряжался им — то сгонял с поезда, а теперь снова тащит куда-то. — Отпусти, говорю! Тоже мне командир…

— Получай за тебя выговор! — Дымов крепко держал парня за ворот; подойдя к Богдановичу, доложил: — Товарищ капитан! Техника подразделения разгружена за двадцать девять минут тридцать секунд.

— Сам вижу. Отпустите его и маскируйте машины.

— Убежит пацан, товарищ капитан…

— Отпустите Федорова и выполняйте, что вам сказано, — строго повторил капитан и ушел с комиссаром.

Аня, переглянувшись с Черношейкиным, прыснула.

— Косопырикова! — прикрикнул Дымов. — Когда вы прекратите свой дурацкий смех?

Вытянув руки по швам, санинструктор Косопырикова моргала выгоревшими ресницами. Встретившись с ее смешливыми глазами, Дымов отвел взгляд:

— Пилотку бы подобрали по размеру, а то она у вас, как горшок на заборе. И вот… пацану показываете пример.

— «Пацан, пацан»!.. Сам пацан! — идя вслед за лейтенантом, возмущался мальчишка.

— Не ходи за мной. Понятно? — Дымов, круто повернувшись, преградил ему дорогу: ему казалось, что тот нарочно подрывает его авторитет. Он очень гордился, что у него в подчинении солдаты намного старше его, старался выглядеть солидным.

— Чего смотришь? — выдавил сквозь зубы Федоров, глядя на него в упор. — Мне капитан тоже приказ дал. Понятно?

…На дне оврага стояла полуторка, нагруженная ящиками с консервными банками и мешками, на прицепе дымилась кухня. Сухонький, уже немолодой солдат подкладывал в топку ломкие прутья краснотала; увидев на краю оврага черную фигурку, разинул рот от удивления:

— Эй! Удовико!

Из кабины торчали ноги в ботинках и обмотках; они только дрыгнули в ответ, потом нащупали подножку и коснулись земли. После этого из кабины вывалился круглый, невысокого роста, с заспанным лицом сам повар Удовико.

— Чего, Овчинников? — спросил он. — Каша сварилась?

— Гляди, какой негра к нам пришел.

Ваня в свою очередь тоже рассматривал их сверху и рассуждал: «От капитана удрал, а от этих подавно убегу…» Запах булькающей в котле каши с бараниной щекотал в носу.

— Меня капитан прислал, — сказал Ваня и, не дожидаясь приглашения, стал спускаться в овраг.

— Смотри какой деловой, — довольно отметил Овчинников и спросил: Покормить прислали?

— А зачем еще посылают на кухню? — буркнул в ответ Федоров.

— Чего ж тебе дать? — растерялся Удовико. — Каша не готова.

— Чего хочешь, — ответил Ваня, усаживаясь на откосе

оврага. — Капитан приказал — выполняй!

Удовико, очень бережливый к солдатским пайкам, постоял в нерешительности, потом сунул руку за борт машины и стал что-то шарить. Достал открытую банку тушенки, отрезал краюху хлеба. Только тут он рассмотрел парнишку и от смеха чуть не сломался пополам:

— Ха-ха-ха!.. Твоего негру, Овчинников, надо в баню!

Среди истребителей танков быстро разнеслась весть, что на кухне тот самый «заяц», за которым охотились в пути. Раньше, чем обычно появились старшины с термосами.

Федоров сидел на подножке машины, коркой хлеба вычищал консервную банку.

— Ну, парень… Не в лоб, так обходным маневром взял капитана, похвалил сержант Кухта.

Ваня подбросил банку и ловко отфутболил.

— Все одно капитан даст мне по шее отсюда…

— Не даст, если сразу не посадил на тот порожняк.

На чумазом лице губы растянулись в улыбке:

— Взаправду?

Кухта обернулся к Черношейкину, и тот уверенно подтвердил, что на войне всякое бывает. Только если уж зачислят бойцом, надо привести себя малость в порядок.

Федоров захотел сейчас же идти к речке или к колодцу.

— С холодной воды толку не будет, — покачал головой Черношейкин и пошел договариваться с поваром о кипятке.

— Да ты что?! Оставить солдат без чая?!. — Удовико и слышать об этом не хотел.

— Сам же капитан прислал тебе парня, — убеждал Черношейкин. Схватишь выговор за такой вид помощника!

Удовико скрепя сердце сдался.

Все подразделение лейтенанта Дымова отмывало Ваню. Вместо мочалки в ход пошел ерш банника для чистки оружейных стволов. Парень терпеливо переносил процедуру, хотя его тело горело, как облитое скипидаром. Он перепугался, увидев свою одежду в костре; она потрескивала, будто в нее подсыпали порох. Сержант Кухта в ответ на испуг парня только рассмеялся:

— Как ты ее наденешь? Она аж шевелится от паразитов…

Ваня успокоился, когда из груды принесенных гимнастерок, брюк, белья ему стали подбирать обмундировку. Кое-что подшили, поубавили. У одного старшины оказались ботинки подходящего размера, а кто-то из командиров даже прислал свою новую плащ-палатку. Так и передал: «Отдайте «зайцу»!» Черношейкин подстриг Федорова и позвал повара; тот ахнул — настолько преобразился «африканец». По этому случаю Удовико

расщедрился и плюхнул парню в котелок вторую чумичку каши.

— Оказывается, ты уж не такой жадный! — уходя, бросил Черношейкин повару.

А по правде сказать, скупость повара Удовико шла не от его натуры. Еще в Сибири капитан ему строго наказал: «Мне — последний котелок. И чтобы как всем — не больше и не меньше. Гляди, если не хватит кому… Понятно?» — «Понятно, — отчеканил Удовико. — Действовать строго по норме». — «Вот именно, — подтвердил капитан, — тогда и мы можем требовать с бойцов строго».

Капитан всегда проверял выполнение своих приказов. И в этот день обошел разбросанные по овражкам подразделения, заглянул в котелки солдат, а потом появился на кухне. Еще издали заметил Удовико долговязую фигуру и засунул ручку черпака за голенище, — после того как он дважды потерял половник, Богданович приказал ему всегда носить его, как оружие, с собой. Сняв капитанский котелок с огня, повар доложил:

— Товарищ капитан, весь личный состав накормлен.

— А почему сегодня без чая?

— Весь кипяток ушел на обмывку тут одного…

— Какого еще одного?

— Да вы же помощника мне прислали…

Богданович пожелал взглянуть на помощника.

А Федоров с Овчинниковым вытащили сиденье и спинку из кабины и, накрывшись новой плащ-палаткой, улеглись под машиной. Оба деревенские, они сразу понравились друг другу. Овчинников до войны развозил товары по сельмагам, бочки грибов, ягод и различных солений, заготовленных кооператорами. И часто в этих поездках его спутником был сынишка, погодок Вани, с которым они, так же как с Федоровым, вытаскивали из кабины сиденье и спинку, располагались где-нибудь в дороге на короткий отдых.

Подбежав, Удовико ткнул второпях Овчинникова в бок:

— Его требует капитан, а ты спи.

Еле растолкали Ваню. Поставили на ноги, осмотрели и повели к капитану. Опрятный вид парня понравился Богдановичу.

Спросил сурово:

— Боец накормлен?

— Так точно, — подтвердил Удовико.

— Где порцию взял?

— Свою отдал, товарищ капитан. Мы, повара, больше чайком привыкли баловаться. Я и в ресторане, когда работал…

— Чтоб полностью ел солдатскую норму, — перебил

капитан. — Придется пушку катить — на чайке далеко не укатишь. Понятно?

— Так точно.

— А начпроду передать: помощника повара Федорова включить в строевую на полное довольствие.

3

Сухая степь, застывшая в жаркой дреме, вдруг ожила. Из овражков, балочек вынырнули машины с противотанковыми пушками, на ходу вытянулись в длинную колонну. Свернули на большак и потонули в сплошной рыжей густой завесе…

Опасно ехать по степи. От бомб негде укрыться — ни лесочка, ни рощицы. Как только раздавался гул самолетов, капитан Богданович выглядывал из кабины передней машины, смотрел вверх, оборачивался беспокойно. В горячем пыльном буране только шум машин. И так же как капитан, беспокойно выглядывал из кабины замыкающей машины комиссар Филин. Все командиры хлопали дверцами кабин, отплевывались от скрипевшего на зубах песка, терли покрасневшие глаза. Шоферы в любую секунду готовы были свернуть с дороги и рассредоточиться, бойцы — выскочить из кузова и разбежаться. Лишь на одной машине, закутавшись с головой в плащ-палатку, спал на ящиках новый боец Федоров.

Проснулся он от раската грома. С адским воем небо обрушивалось на землю. После оглушительного разрыва что-то со свистом летело над головой, впивалось в борт машины, звонко молотило о железную кухню и отскакивало рикошетом. Комья земли ударяли по плащ-палатке, которой он накрылся.

Машина ехала уже не по дороге, а напропалую неслась по степи, подбрасывая на кочках ящики, мешки и Ваню. Позади, на прицепе, словно лягушка, прыгала из стороны в сторону кухня. Тут только Ваня окончательно пробудился и сообразил: бомбежка!

В пыльном вихре показалась машина, и полуторка с кухней в последнюю секунду отвернула, зацепив кузовом. Затрещали доски.

— Эй, кухня!.. От страха с ума сошли?! Поворачивай вправо! — крикнул кто-то, невидимый в пыли.

Этот же человек сгреб Ваню и рванул из кузова; они вместе упали на землю. Удивительно, как их не прибило подпрыгивающей кухней. Отплевывая землю, Ваня увидел лежавшего рядом с ним. Это был лейтенант Дымов. Тот пригнул его голову:

— Лежи!

Поблизости грохнуло. Их обдало жаркой волной, остро пахнуло раскаленным металлом и горелой землей. Когда Ваня оторвал щеку от колючей травы, лейтенанта рядом не было. Он бежал к горящей машине, а ему навстречу повар, метавшийся в

поисках укрытия.

— Ложись, Удовико! — Дымов швырнул повара на землю.

«Выискался мне смелый!» Ваня вскочил и устремился за лейтенантом.

Пылала кабина грузовика. Вот-вот огонь подберется к бензобаку. Дымов стал сбивать пламя шинелью. Бойцы бросились разгружать из кузова боеприпасы. Ваня тоже схватил нагретый ящик со снарядами. Подняв, он согнулся от тяжести и, не разгибаясь, засеменил в сторону. В любую секунду снаряды могли взорваться и разнести его в клочья, но он продолжал таскать со всеми.

Лейтенанту удалось сбить пламя с кабины; подойдя к бойцам, он заметил за ящиками Ваню:

— Тебе где приказано быть? Ступай отсюда! Собрали вас на кухне… Скачете, что зайцы!

Ваня отбежал и бросился в горькую полынь: «Ну погоди, лейтенант, погоди, ты еще узнаешь меня!..» В это время немецкие штурмовики, разворачиваясь каруселью, делали заход на ближний хуторок. Через минуту, подняв голову, Ваня увидел, как с самолетов крупными каплями падали бомбы. А спустя еще несколько минут над хутором начали подниматься бурые космы дыма.

Штурмовики повернули назад, лишь один на бреющем полете обстреливал бегущую по открытой степи женщину. Она крепко прижимала к себе младенца. Несмышленыш принимал все за забаву и смешно молотил ножками в воздухе. Огненные снопы пуль все ближе и ближе… Ваня весь вжался в землю. Тень самолета накрыла его. Пыльные фонтаны от пуль проплясали в нескольких метрах, и воющий, надсадный звук сирен растаял…

Лежали убитые мать с младенцем. В сухой траве по-прежнему однообразно, равнодушно трещали цикады…

— Зашибло, кажись, парня, — услышал Ваня голос шофера Овчинникова.

Федоров не спеша поднялся с земли и залез в кузов.

Полуторка тронулась.

Проезжая мимо лежащей на земле женщины с ребенком, солдаты срывали с головы пыльные пилотки, терли и без того покрасневшие глаза.

Поравнялись с догорающим хутором… Среди тлеющих развалин торчали черные трубы. Обгоревшие деревья простирали к небу голые ветви, словно воздетые кверху черные руки. Все это больно напомнило Ване его родную деревеньку на Смоленщине. Он метался тогда среди пышущих жаром развалин, обрызганных кровью черепков. Искал, звал мать… А она, может быть, как и эта

мать, так же лежала где-нибудь убитая.

Босоногий, в изодранных штанах, бродил он, пока не подобрали его солдаты из отступавшей части; они одарили его той самой обмундировкой, которую сегодня ему сменили.

Чем ближе к фронту, тем жарче дыхание войны, — воронки от бомб, разбитые у дороги машины, сожженные хутора. Чаще обозы, беженцы с навьюченным в спешке нужным и ненужным скарбом. Люди с потемневшими лицами, с грязными бинтами на голове, в исступлении хлещут взмыленных лошадей. Спроси: где немцы, где наши? Никто не ответит. Все куда-то спешат. Сплошная круговерть.

К вечеру повеяло прохладой, показался в зеленой кайме Дон. Через реку огромной дугой взметнулся железнодорожный мост. Но как ни мечтали бойцы искупаться, капитан даже напиться не разрешил. Поздней ночью свернули в рощу, здесь и привал.

Тут же пришел срочный приказ комдива Сологуба: отправить все машины к прибывающим эшелонам, личный состав накормить горячей пищей и привести в полную боевую готовность к пяти ноль-ноль.

Ваня с шофером и поваром до рассвета выгрузили все продукты. Уезжая, Овчинников попросил:

— Ты уж постарайся, Вань…

Собрался парень бежать с постылой кухни, а теперь нельзя: Овчинникова подведешь.

— Ведра давай! — потребовал он у повара и, черпая воду поблизости из речушки, впадающей в Дон, принялся заливать котлы. Не успел Удовико опустить закладку в котел, Ваня нарубил целый ворох сучьев, принялся шуровать топку так, что котел угрожающе забулькал, а из-под крышки с шипением, как у паровоза, стал вырываться пар.

— Передохни, сынок, малость, — предложил повар Удовико, довольный прытью помощника.

— Некогда отдыхать, — хмуро возразил Ваня, — приказано завтрак сготовить к пяти ноль-ноль.

— Постараемся, — добродушно ответил Удовико и, чтобы как-то разговориться с мальчишкой, спросил: — Откуда, сынок, родом?

— Российский я, — не оборачиваясь, ответил Федоров.

— Я тоже российский, сибиряк, — расплылся довольный Удовико. — Поваром в вагон-ресторане был. Едешь от Омска к Барнаулу… Степь Барабинская ровная, как стол. Крутится. Не то что здесь… балки да овраги. А рощи березовые одна другой красивше… А ты, сынок, с какой стороны?

— Что я тебе за сынок? Иван я, Федоров! — вышел окончательно из себя парень. — Раз военный повар — командуй.

— Чего не могу, того не могу, — признался Удовико. — А сготовлю что хочешь.

— Не можешь, сам буду, — уничтожающе посмотрел на повара Федоров и выхватил у него из рук черпак. — Соль засыпал?

Удовико быстро плюхнул в котел содержимое первой подвернувшейся банки и отошел в сторону, чтобы строптивый парень, размахивая черпаком, не задел его ненароком.

В предрассветной тишине запели птицы, а издалека донеслись глухие разрывы, первые грозные звуки фронта, вечером еще не слышного и приблизившегося за ночь. Помешивая в котле, Ваня недовольно бросил:

— Другие, как люди, воюют…

— А мы кашеварим, — возразил ему повар. — Работа у нас такая, сынок…

— Опять «сынок»?! — возмутился было Ваня, но появились Кухта и Черношейкин с термосами, и он, схватив ведра, отправился на речку.

— Справляетесь? — снимая термос с плеч, спросил Черношейкин.

— У меня, друг, помощник троих стоит, — ответил Удовико, с опаской поглядывая вслед гремящему ведрами Ване.

— Ну, раз так, наливай, — сказал сержант Кухта, подставляя термос.

— Передохните, — предложил повар, обрадовавшись возможности с кем-нибудь поговорить. — Сейчас доктор прибежит, снимет пробу.

Тут подошли другие старшины, и Черношейкин нетерпеливо приподнял крышку котла:

— Сами снимем.

— Погоди, Черношейкин, погоди… Такой супец ты сейчас отведаешь! В ресторане первого класса и то не бывает… — Удовико, оглядываясь, искал половник.

— Небось опять потерял? Ну, будет тебе в этот раз от капитана! Ладно, и без черпака обойдемся. — Черношейкин достал ложку из-за голенища, зачерпнул из котла и, разгладив усы, прихлебнул. — Харч ничего себе… Отведай-ка, директор. Вспомни, как снимал пробы сыра и разных жиров на своем маслозаводе.

— Это мы можем… — Кухта глотнул и тут же стал отплевываться.

— Как, директор? — спросил Черношейкин.

— Вкуснее, чем харчо. Пусть сам повар отведает…

— Вы что тут самовольничаете?! — прикрикнула Аня, подбегая к кухне.

Повар все искал черпак и даже снял сапог.

— Господи! Куда ж он запропастился? Ведь только держал в руках. Теперь не то что пробу взять, разливать-то нечем.

Черношейкин со смехом кивнул Ане на повара:

— Опять, видишь, потерял свое «ружье»!

Аня достала из-за голенища завернутую в марлю ложку, зачерпнула, поднесла ко рту и… отчаянно замахала рукой.

— Снять штаны и на куст крапивы!.. — закричал Черношейкин и двинулся к повару.

— Сажай на крапиву! — поддержал Кухта, отрезая Удовико путь к отходу.

Старшины стали окружать перепуганного повара, но, на его счастье, появился комиссар Филин:

— В чем дело?

— Вот не нравится им супец мой… — пятился повар под защиту комиссара.

— А вам самим? — спросил Филин.

— Не пробовал…

— А вы попробуйте.

— Да «ружье» он свое потерял, товарищ комиссар, — пояснил Черношейкин и подал повару ложку с супом.

Удовико хлебнул; рот ему перекосило…

— Сплошной перец, товарищ комиссар! — пояснила Аня.

— Перец? Ай-я-яй!.. Это ж я вместо соли, — запричитал Удовико и замахал руками: — Идите… со своими командами! Был лучший шеф-повар в ресторане, а теперь суп не могу сварить!

— Гнать таких поваров с кухни! — возмутился обычно спокойный сержант Кухта.

— Меня надо гнать. Это он из-за меня плюхнул… — поставив ведра с водой, выступил вперед Федоров. У него за поясом торчал черпак.

— Хорошо, хоть в чай не приказал плюхнуть перца, — улыбнулся ему Филин и прислушался к отдаленному гулу самолетов. — «Гармонисты» летят… Разойдись! — И, уходя, сказал повару: — Помощник у тебя боевой. Товарища в беде не бросает. Знаешь, как он сегодня боеприпасы спасал!..

Ушел Филин, оставил Ваню в раздумье… На что отец тоже порою придирчив был, особенно когда Ваня приходил к нему в кузницу помочь: и стоишь не так — под правой рукой; и горн не так раздуваешь, надо ровней; и щипцы не так держишь… Зато вечером, когда они вместе шагали домой мимо куривших на

завалинках односельчан и те, уважительно снимая картуз перед старшим Федоровым, благодарили за быстро отремонтированную жатку или здорово приваренный нож к лемеху плуга, отец грубой от ссадин, пропахшей углем и металлом, такой родной ладонью касался Ваниной щеки и говорил в ответ: «Это сынок мне помог. Так что благодарите не «старшого», а «малого» Федорова». И когда в первый месяц войны пришла «похоронная» на отца, Ваня забрался в пустую холодную кузницу и дал вылиться своему горю; там ночью и нашла его мать и плакала с ним навзрыд до рассвета…

Отец замечал все доброе. Поэтому и взволновала мальчишку похвала комиссара. Так и сидел он, обхватив руками коленки…

Пока прибывали и разгружались эшелоны, комдив Сологуб со своим штабом изучал обстановку, производил рекогносцировку местности, устанавливал связь с действующими частями. Свой командный пункт он расположил за Доном, неподалеку от железнодорожного моста — на самой господствующей высоте, откуда открывался широкий обзор излучины Дона, впадающей в него реки Чир, по ту сторону которой были позиции немцев. Здесь, нацелившись на Сталинград, 6-я армия Паулюса уже соединилась своими главными силами с частями 4-й танковой армии Гота, здесь и должна была встать на их пути дивизия Сологуба. Ее полки к исходу вторых суток сосредоточились в роще. Стало многолюдно. Под каждым деревом и кустом бойцы: свалились после тяжелого марша и спят. Овчинников без роздыху перебрасывал со станции грузы и, умаявшись, тоже похрапывал под машиной. Ваня помогал повару выскребать котел. Пришел связной от комиссара:

— Федоров! Иди от кухни представителем на митинг!

И вот со всей рощи на самую большую круглую поляну потянулись представители от всех подразделений дивизии и, скрытые от вражеских самолетов разлапистыми дубами, строились по опушке. Посреди поляны кряжистый дуб в три обхвата. Под его зеленой густой кроной — комдив Сологуб, начподив, комиссар истребителей танков Филин, самый старый коммунист дивизии бронебойщик Пивоваров.

Комдив Сологуб скомандовал:

— На вынос знамени… смирна-а!..

Замерли бойцы. Только слышна далекая орудийная пальба. Среди сотен бойцов самый юный Иван Федоров стоял локоть к локтю с приземистым сержантом Кухтой, еле доставая пилоткой до плеча Черношейкина. Выпятив грудь колесом, он косил глазом то влево, то вправо. Раньше ему приходилось стоять под

пионерским знаменем, а вот боевое Красное знамя дивизии он еще не видел ни разу.

В кольце выстроенных частей оставлен проход, оттуда и показалось над головами бойцов алое полотнище с ослепительно горящей в лучах солнца звездой на конце древка. Впереди шел командир с шашкой наголо, за ним знаменосец с древком в вытянутых руках, позади два автоматчика, следом комендантский взвод. Легкими волнами полощется красный шелк, на нем силуэт Ленина и надпись золотом: «За нашу Советскую Родину!»

Сотни взглядов скрестились на четком стремительном профиле человека, портрет которого Ваня знал с тех пор, как помнит себя.

Знаменосец с почетным караулом обошел по кругу все части и застыл в центре поляны.

— Вольно-о!.. — дал команду Сологуб.

Начальник политотдела объявил:

— Слово к молодым имеет Иван Афанасьевич Пивоваров.

Стал у знамени бронебойщик Пивоваров. Острая клинышком бородка, строгий по виду, похожий больше на старого кадрового офицера, чем на бойца.

— Сыны мои, гляньте… — повел он рукой.

Ваня со всеми повернул голову… В просвете темных дубовых стволов сверкал чистым серебром Дон, а еще дальше, словно радуга, повис над рекой красными дугообразными фермами мост.

— В девятнадцатом мы гнали беляков по этому мосту. Богато здесь пролилось крови ваших отцов и дедов. А теперь… слышите?!

За Доном, все сильнее разрастаясь, громыхало сражение.

— Завтра, а то и сегодня ночью схлестнемся с фашистом. Думаю, сыны, и вы не посрамите своих отцов!

Пивоваров опустился на колено, взял бережно обеими руками, словно новорожденного, алый шелк знамени и поднес к губам.

— От молодых кто даст ответ отцам? — спросил начподив.

Взметнулся лес рук, и Ваня тоже поднял руку. Комиссар Филин сказал что-то начподиву, и тот объявил:

— Слово имеет комсорг истребителей танков лейтенант Дымов.

Лейтенант робко вышел из строя. По-юношески угловатый, смущаясь от устремленных на него глаз, он встал у знамени, помолчал и неожиданно смело заговорил:

— Мы по книгам да рассказам знаем о революции и гражданской войне. Только мечтали быть такими, как наши отцы. Теперь и наше время пришло. Докажем, ребята?

— Дока-а-жем! — не помня себя, крикнул Ваня со всеми.

Он вдруг почувствовал, как на этой солнечной поляне к нему вернулось прежнее: все светлое… будто он снова очутился в родной семье и своей школе. Его судьба слилась с судьбами тысяч бойцов дивизии, и его личное горе потонуло в общей огромной беде.

К знамени подошел комдив Сологуб. Рослый, крепко сбитый, умные серые глаза излучают добрый свет. Стараясь скрыть волнение, он обратился к бойцам:

— Славные сибиряки! Такой жестокой войны не было за всю историю народов. Со всей Европы фашистские паразиты собрали технику и двинули на нас. Надо иметь в сердце великую любовь к матери-Отчизне, великий гнев к лютому врагу. Или мы их победим, или они зроблят нас своими рабами. Допустим это?

— Не-ет!.. — отозвались эхом сотни голосов.

— Тогда клянемся, хлопцы, что будем биться до последнего удара сердца!

— Клянемся-я… — прокатилось громом.

4

С наступлением темноты по двум переправам — понтонной и железнодорожному мосту — полки дивизии стали переходить Дон. По понтонам переправлялись истребители танков. С потушенными фарами машины пересекли дубовую рощу и на малом газу спустились по сыпучему прибрежному песку к реке. Плескалась вода у понтонов, поскрипывали доски настила, осторожно перебираемые колесами машин. А где-то впереди мерцала вспышками линия обороны и доносилась далекая перестрелка. Слышалась и более близкая — это полки Сологуба, частично переправившись через Дон, уже вступили в бой…

В сыром ночном воздухе выстрелы доносились так явственно, что казалось, передний край обороны совсем рядом, но сколько к нему ни двигались, он оставался все на таком же расстоянии.

— Стой, кухня! — раздался из темноты голос Богдановича. — Спускайся в эту балку.

Капитан показал на скат балки, где следовало рыть укрытия.

— Чтоб к рассвету и завтрак был готов, и все было отрыто. Понятно?

— Понятно, — ответил Удовико и подумал: «Непонятно только, как мы успеем?»

В балке сухо. От крепкого настоя горькой полыни у Вани кружится голова, монотонный треск цикад убаюкивает. Так бы свалился да и уснул на неостывшей земле. Но где там… Только сядешь передохнуть, капитан или комиссар тут как тут, торопят: «Скорей, скорей!» От лома и лопаты у Вани уже вздулись на ладонях волдыри — хоть плачь. Удовико вздыхает после каждого взмаха лома, Овчинников копает молча, остервенело. Разгоряченные, все трое сбросили гимнастерки, работали по пояс голые. «Чтобы ей провалиться, этой кухне! — клянет Ваня. — Рой еще для нее ямы, а люди воюют…»

С полуночи Удовико стал кашеварить. Ваня с шофером заканчивали рыть укрытия. Уже рассвело, когда Овчинников настлал себе полыни в вырытой щели и сразу уснул, а у мальчишки не хватило сил готовить постель, и он свалился в обнимку с лопатой.

Перед закатом солнца у Вани обычно оставались свободные минуты — ужин готов, и для раздачи ожидали темноты. Он выбирался из балки и, лежа на животе, «рассматривал врага»…

Километрах в десяти, за рекою Чир, — высокие горбатые холмы. С этих холмов, в клубах пыли, словно черные тучи, текли и текли бесконечные колонны немецких машин и пехоты. «Они со

всей Европы собрали технику и двинули на нас…» — вспомнил Ваня слова Сологуба. Мальчишка представлял себя в бою: то он швыряет гранаты, то из пушки сжигает танки и расстреливает в упор фашистов…

Откуда ему было знать, что немцы в эти дни накапливали силы, чтобы выйти к Дону, что, разгадав их планы, командарм Чуйков решил атаковать первым. У станции Чир немецкая оборона выдавалась уступом. Его и задумал командарм «подрубить под корень».

Сгустились сумерки. Неожиданно с левого берега Дона забухала наша артиллерия, а затем заполыхал весь передний край — стреляли и с нашей стороны и со стороны немцев. Ваня отметил, что гул боя все отдаляется и отдаляется. С нетерпением он ожидал Кухту и Черношейкина, чтобы разузнать, что все это значит. А их не было.

В этот вечер никто не пришел. Лишь к ночи от капитана прибежал связной:

— Эй вы, кухня!.. Что прохлаждаетесь? Мы давно за Чиром!

Оказывается, наши отбросили немцев за станцию Чир, и капитан приказал кухне немедленно двигаться туда. Связной залез в кабину машины показать шоферу дорогу, а Ваня — в кузов к Удовико, который всю дорогу стучал по кабине, останавливал машину и спрыгивал посмотреть прицеп, опасаясь, как бы не оторвалась кухня. Овчинникову надоело без конца притормаживать, и он набросился на повара:

— Ты что стучишь? От страха совсем ума лишился?

Ваня не знал, страшно ли Удовико, но ему, Ване, было и вправду боязно ехать ночью по только что отвоеванной у немцев земле. Она клином врезалась в оборону фашистов и вся простреливалась трассирующими пулями. Поэтому казалось, будто наших окружили.

Машина пересекла железнодорожное полотно. Пристанционный поселок угадывался по тлеющим развалинам. У последнего, чудом уцелевшего на окраине домика остановились. Совсем неподалеку передний край. Строчил крупнокалиберный пулемет, пролетая, шуршали в воздухе мины и рвались где-то позади. Вспыхивали немецкие ракеты, озаряя зеленовато-холодным светом обугленные печные трубы и степь в черных воронках, похожую от этого на лунную поверхность в кратерах.

Ваня спрыгнул с машины и отправился на розыски истребителей. Усталые после боя пехотинцы рыли окопы, кто-то о чем-то рассказывал, слышался смех.

Побывать в первом бою, остаться живым да еще и победить — бывает ли радость сильнее? Ваня завидовал солдатам. Ему

захотелось побыстрее увидеть Кухту, Черношейкина и всех, кого знал… Из темноты донесся сибирский говорок Кухты. Волнуясь, Ваня пошел на голос и скоро увидел лежавших у еще не отрытой огневой бойцов. Кухта курил, зажав цигарку в кулак, чтобы не было видно огня. Ему, как старшему по званию, Ваня и доложил:

— Товарищ сержант, кухня прибыла. Можете посылать за ужином.

— Пропадает на кухне такой боец, — заметил кто-то.

— Прекратить! — одернул Кухта и сказал: — Ужину мы всегда рады. Садись. А то ракета осветит, и подстрелить могут. Рассказывай, как дела…

— Да ну… — Ваня опустился на землю. — Какие на кухне дела!

— Это ты зря, — заметил сержант, — мы фрица не победили бы без вашего кондёра. Ефрейтор Черношейкин! Взять бойца и доставить ужин. Федоров, покажешь, где кухня.

— Есть показать! — вскочил Ваня.

Кухня осталась до рассвета за домиком, и Ваня, с разрешения повара, вернулся к истребителям. Он с удовольствием рыл со всеми землю «для пользы дела», смеялся и пел боевые песни, подружившись с запевалой и тезкой Ваней Берестом. Тот рассказал ему о Сибири; договорились, что Ваня приедет к нему в гости. Берест в этот вечер пел как-то особенно, не знал, что он — последний в его жизни.

Капитан Богданович, как обычно, не спал, торопил бойцов и, увидев Федорова за работой, похвалил за инициативу. Только перед рассветом Ваня заснул. Растолкал его Черношейкин: «Тревога!» Ваня помчался к дому, около которого стояла кухня, но ее и след простыл. Еле успел прицепиться за борт проезжавшей мимо машины — Черношейкин с Кухтой втащили его в кузов. Три взвода истребителей срочно перебрасывались на другой участок. Бойцы спешили к жаркому делу, и было не до мальчишки.

Машины притормозили у каменных построек неподалеку от станции Чир. Капитан показал командирам место огневых и умчался в другие подразделения. Остался комиссар.

Черношейкин по-отечески обнял Ваню и махнул рукой в сторону Дона.

— Ну, валяй на кухню! А то лейтенант увидит, достанется и тебе и нам…

Не оглядываясь, ефрейтор побежал разгружать снаряды. Бойцы катили пушки на место огневых, долбили ровики. Чтобы не попадаться на глаза лейтенанту и комиссару, Ваня спрятался в каменный сарай и стал следить оттуда за происходящим.

По всему было видно, что скоро начнется бой. Даже запевала весельчак Берест, у которого из-под пилотки выбились блестящие от пота черные кудри, как-то уж очень сосредоточенно и с опаской поглядывал на темнеющую вдали рощу. Филин и Дымов тоже посматривали туда. Волнение передалось и Ване.

Не успели бойцы отрыть укрытия, как лейтенант дал команду: «К бою!» Расчеты бросились к орудиям, молниеносно заняли места: наводчики приникли к панораме, заряжающие — у замков, подносчики приготовили снаряды. Все замерли, настороженно глядели вперед… А Ваня, сколько ни всматривался, ничего не видел. Но вот от рощи стали отделяться рядками, словно из-под бороны, бурые хвосты пыли. «Да это ж танки!..» Издали — совсем безвредные серые паучки. Ползут себе, а впереди них искры. Ого-го-го, сколько их! Он насчитал сорок и сбился…

Впереди взметнулись фонтаны взрывов. Завеса вздыбленной земли закрыла танки. С потолка на Ваню посыпалась штукатурка, земля вздрагивала под ногами. Артиллерией и минометами немцы пробивали путь танкам. Но вот шквал утих, столбы земли осели, и… Ваня отшатнулся. За это время танки подошли так близко, что уже можно было различить стволы пушек. Из них полыхало пламя. Пушки палили и палили по нашим траншеям. Позади танков мельтешило что-то серое. Присмотревшись, Федоров смекнул, что это вражеская пехота. Он увидел, как в эти томительные перед боем секунды сержант Кухта, поглядывая на танки, пытался свернуть самокрутку, но рассыпал табак. Черношейкин достал из кармана сложенную гармошкой газету, ловко оторвал листок, не глядя сыпанул щепотку табаку, туго скрутил, и поднес сержанту, чтобы тот смочил краешек губами. Но губы сержанта пересохли, он несколько раз пришлепнул, пока склеил папироску, потом благодарно кивнул Чернощейкину и стал выбивать кресалом огонь. Искры высекались, но шнур никак не загорался. Ветер доносил урчание танков. А сержант все высекал огонь, и казалось, теперь только от этого будет зависеть, остановят они танки или нет.

Наконец Кухта задымил, и Ваня перевел дух. К сержанту подошел лейтенант Дымов, указал на отдельные кустики впереди. Ваня уже знал, что эти кустики — ориентиры. Потом Дымов сделал предостерегающий знак рукой командиру соседнего взвода истребителей. «Поближе хочет подпустить танки», — догадался Федоров.

Мимо, с каким-то отчаянием на лице, пробежала Аня. Плечо ей оттягивала тяжелая санитарная сумка.

Среди гула моторов уже различался лязг гусениц. Они

молотили землю, поднимали сухие кустики краснотала и все, что попадало им на пути.

Ваня рассмотрел на стальных коробках черные кресты, обведенные жёлтым, дула пулеметов по обе стороны от смотровых щелей водителя. Хоботы пушек поворачивались вместе с башней, выискивая цель. Бежать теперь поздно — тут же убьют. «Хоть бы гранату, дурак, взял, — ругал себя Ваня. — Так зазря и погибнешь…»

Танки не дошли с полкилометра до огневых позиций истребителей и, повернув, ринулись к переправе через Дон. Ваня облегченно вздохнул. Но тут же услышал, как лейтенант громко выкрикнул: «Взво-од!.. По бортам фашистских танков… бронебойным… Огонь!»

В ушах Федорова даже зазвенело — так звонко, как «сорокапятки», не бьет ни одна пушка. Передний танк дрогнул и неуклюже завертелся на месте. «Ага, фашисту ногу перебило!» — обрадовался Ваня. От второго снаряда Береста танк с перебитой гусеницей загорелся. Разом взорвалась башня. «Молодец, Берест! Ты не только хорошо поешь, но и мирово палишь!» Ваня от восторга запрыгал у окна. Ему хотелось броситься и обнять всех…

Оглушительно рвануло. До боли в ушах. Выстрелы «сорокапяток» слышались теперь как легкие щелчки. Ваня, изумленный, оглянулся: в нескольких метрах от него, в каменной стене сарая, зияла большая дыра. «А меня не убило», — подумал он и вдруг почувствовал, что его знобит…

Изменив курс, танки теперь шли прямо на огневые истребителей. Несколько десятков танков против шести маленьких «сорокапяток». С воем и грохотом что-то обрушилось с потолка. Прикрыв руками голову, Ваня бросился в угол и растянулся на полу. На него посыпались штукатурка, обломки кирпичей… Тело деревенело от множества ударов…

Но вот от близкого разрыва, раскаленного металла и горелой земли остро защекотало в ноздрях и горле. Ваня пришел в себя и попробовал приподняться. Его завалило щебнем, острые осколки кирпичей врезались в тело. Кое-как удалось встать на четвереньки. Спиной он уперся в железную балку; падая, балка удержалась на подоконнике, это его и спасло.

Выбрался из-под обломков… Кругом царила непонятная тишина. Все было красно от кирпичной пыли. Выглянул за разбитую каменную стену: неподалеку вздымались столбы земли и тотчас оседали; сверху один за другим падали в пике темные «юнкерсы»… И все беззвучно, как во сне. Ваня понял: он оглох. Пылала степь, горело с десяток подбитых танков. Остальные рассредоточились и охватили батарею полукольцом… Ему

казалось, что он пролежал очень долго, укрытый балкой, а прошло всего лишь несколько минут с тех пор, как налетели «юнкерсы».

Как ни жутко было, он заставил себя смотреть на бой… Из ближнего орудия почему-то палил сам лейтенант. Заряжающим у него был сержант Кухта, а наводчик Берест лежал навзничь у станины, заслонив рукой глаза от солнца; два бойца рядом с Берестом уткнулись лицом в землю.

«Что ж они?!» — недоумевал Ваня и… увидел на станине кровь. Холодея, сообразил, что Берест и те двое убиты. Ваня Берест, с которым они только вчера вместе пели… Не хотелось верить. В это время подносчик сунул Кухте в руки снаряд и бросился к укрытому в яме ящику с боеприпасами; только собрался было взять новый снаряд и завалился. На гимнастерке сбоку расплылось кровавое пятно…

Федоров перемахнул через стену, схватил снаряд, что лежал рядом с убитым. Выстрелом Дымов заклинил башню у ближайшего танка, и тот разворачиваясь на гусенице, наводил ствол. Самое лучшее бить в такой момент, а пушка у лейтенанта не заряжена. Он свирепо повернулся к Кухте:

— Заряжай!

И, заметив рядом Ваню со снарядом в руках, он рванул снаряд на себя так, что парнишка едва удержался на ногах.

— Ну же!.. Снаряды мне!!

Ваня бросился к боеприпасам… Слух неожиданно вернулся к нему. Он только помнил, как поднес первый снаряд лейтенанту, а дальше… все смешалось в грохоте пушек, разрывах мин, треске пулеметов. Перед глазами стояло красное облако от разбитого кирпича, отчаянное лицо Дымова и его окровавленная рука. Стальные громады, уничтожая всё на пути, неумолимо надвигались со страшным урчанием и леденящим душу лязгом гусениц. Сейчас со скрежетом раздавят железные орудия, людей…

Потом, вечером, сводка Совинформбюро сообщит, что 29 июля 1942 года в центральной излучине Дона, в районе станции Чир, подразделение капитана Богдановича в поединке с шестьюдесятью фашистскими танками сожгло двадцать два из них… За этими скупыми словами столько пережитого… и жестокий бой, и суровые солдатские похороны — почти половина ребят осталась тогда в донской степи. Но это все будет позже, а пока шел бой…

Солнце стояло в зените. Жгло. И бой достиг ожесточенности… А Ваня продолжал таскать снаряды, пока Кухта

не крикнул ему в самое ухо:

— Выдохлись фрицы!

Сержант опустился на ящик с боеприпасами, мгновенно свернул цигарку, с одного удара кресала зажег фитиль, прикурил, жадно затянулся и только после этого стер с лица крупные капли пота. «А перед боем и прикурить не мог!» — приходя в себя, отметил Ваня.

Черношейкин присел рядом с Кухтой на станину пушки, устало посмотрел на Ваню, и его нисколько не удивило, что тот находился с ними на огневых.

Подошла Аня и попросила помочь перенести раненых. Осторожно они сносили на плащ-палатке тяжелораненых за развалины сарая, укладывали в тени. Те стонали, просили пить, но термосы были пробиты пулями, и вода утекла в затвердевшую, всю в трещинах землю. Удалось найти воду в разбитой водокачке. Ваня обходил разметавшихся в горячке беспомощных людей, приподнимал им головы, поил из баклажки. Подбодрить их он не умел, не умел сказать им какие-нибудь утешительные слова. Но суровый вид парнишки, который вместе с ними был в бою, действовал лучше всяких слов…

Для раненого иногда минута решает: жить ему или умереть. Но как быстрее доставить их в медсанбат? Дорога простреливается, не проедешь. И на чем повезешь? Машины угнали за Чир, а у единственной связной полуторки пробиты скаты, радиатор, да и сам шофер убит.

Кое-как Дымов с Филиным замазали радиатор глиной, залили водой и начали заводить машину. Наконец зафыркал, затрясся «газик». Дымов подбежал к сараю:

— Грузите раненых! — И, увидев Ваню, строго спросил: — А ты что тут делаешь?

— Как — что?

— Ну-ка, марш!

Мальчишка даже растерялся:

— Да я ж с вами…

— Кому говорю, марш на кухню!

Сжав кулаки, Ваня зашагал прочь. Аня не выдержала:

— Как вам не стыдно, лейтенант!

— А вы, санинструктор, идите оказывать помощь раненым! Кругом, марш!

Взглянув укоризненно на лейтенанта, Аня быстро повернулась и прошла мимо расступившихся Кухты и Черношейкина. Они всем своим видом выражали неодобрение действиям лейтенанта.

— А вы? Вы чего?

— Мы… ничего… — не отводили осуждающего взгляда бойцы.

— Ну говори, Черношейкин, что думаешь?

Старый солдат, покачав головой, ответил:

— Горяч ты больно, товарищ лейтенант…

5

Уже начинало светать. Доносилась перестрелка. Прислушиваясь, повар Удовико ворчал:

— Ишь палит, проклятый!

— Они всю технику с Европы собрали, — осведомленно заметил Ваня и на любопытный взгляд повара добавил: — Комдив Сологуб на митинге тогда сказывал.

Удовико, заметив в своем помощнике перемену после вчерашнего боя, вздохнул: «Ну к чему это? Оставался бы прежним, озорным. Лучше все-таки, когда мальчишка похож на мальчишку…» Встретившись со строгими, внимательными глазами Вани, согласно кивнул:

— Да… танков у них много…

— А чем их сподручнее бить?

— Пушкой или бронебойкой.

— Знаю. И гранатой можно.

— А то и бутылкой с горючкой.

Последнее очень заинтересовало Федорова:

— А-а… а эти самые… бутылки у нас есть?

— В каждом взводе… — успокоил его повар. — Тебе, вижу, танки покою не дают.

Ваня промолчал.

— Иди ложись к Овчинникову, — предложил Удовико.

К началу раздачи завтрака Ваня был уже на ногах. Предстояло осуществить задуманный с вечера план: попасть на огневые…

— Выспался? — обрадовался Удовико, увидев подошедшего с котелком помощника. — Я малость сосну, а ты выскреби котлы. Ладно?

— Ладно… — поморщился Ваня и тут увидел подходивших с термосами Кухту и Черношейкина.

Вот это было кстати. Обежал вкруговую и дождался их, когда они возвращались с кухни. Те обрадовались ему, однако взять на огневые не решились: не положено. Чтобы не обидеть парнишку, они предложили немного их проводить. Напрямую идти опасно. Кружили по балочкам и овражкам, пригибаясь, перебегали открытые места.

— Ну, дальше нельзя, — остановил Ваню Кухта, — тут все простреливается…

Черношейкин и Кухта поправили на спине термосы, выбрались наверх и поползли. Ваня выглянул из-за края балки и стал наблюдать. Между колышущейся серой полынью

передвигались темно-зеленые донышки термосов. Неожиданно они пропали. «Куда же они делись? — удивился он и пополз вперед. — Исчезли где-то здесь…» Но поблизости ни одной складочки, укрыться негде. Ваня продвинулся дальше. В полукилометре басовито зарокотал немецкий пулемет, над головой пролетели певучие пули: тиу-у… тиу-у… Ваня попятился и вдруг провалился…

— Какого дьявола вас тут носит! — Кто-то отодвинул его в угол ямы.

Прямо перед собой Ваня увидел растерянное лицо Дымова. Оно было заляпано кашей. Лейтенант держал в руке ложку, а перевернутый котелок валялся на дне ровика. За спиной лейтенанта давились от сдерживаемого хохота Черношейкин и Кухта.

— Нос вытри. В каше, — сказал Дымов.

Неподалеку оглушительно разорвалась мина, пахнуло горелой землей, затем взрывы последовали один за другим.

Дымов выглянул с биноклем из ровика и сказал:

— За меня остается сержант, наведаюсь в пехоту. — И погрозил Ване кулаком: — Ну?! Только появись еще раз на огневой!..

Федоров тут же полез из ровика, но сержант удержал:

— Сиди, пока не окончится обстрел. Не обижайся на лейтенанта. Нельзя нам себя обнаруживать. — И Кухта показал ему на искусно замаскированные огневые.

Только теперь Ваня увидел незаметно разбросанную вокруг землю, припорошенную полынью пушку в укрытии. Поодаль, в ямах, лежали ящики со снарядами. Ровик, в который он влетел, тоже был прикрыт полынью. «Тут побольше работы, чем закопать кухню!» — отметил он. Присмотревшись, обнаружил выдолбленную нишу — там стояли бутылки. «Это и есть горючка!» догадался он и незаметно сунул по бутылке в карманы, прикрыв горлышко гимнастеркой.

Удовико с Овчинниковым похрапывали. Ваня решил опробовать одну бутылку и, взяв спички, пошел в глубину балки. Сбил камнем сургуч, выковырнул пробку… Из горлышка вырвался сноп огня…

«Мина угодила в машину с продуктами!» — всполошился Богданович, заметив дым в районе кухни, и сорвался с наблюдательного пункта. Комиссар Филин еле поспевал за длинноногим капитаном. Спускаясь в балку, они увидели, что машина и кухня были в целости, повар и шофер безмятежно спали. А поодаль бушевало пламя.

— Что у вас тут горит?!

Удовико даже во сне узнал голос Богдановича и, еще глаза не успев открыть, вытянулся по стойке «смирно». Капитан пробежал дальше и все понял по осколкам бутылки и разбросанным спичкам. Ваня, скорчившись, лежал на земле. Богданович оторвал его руки от лица и убедился, что глаза невредимы, но сильно обожжена кожа.

— Мигом Аню сюда! — приказал он повару.

— Отставить, — сказал Филин сорвавшемуся с места Удовико, — сама бежит.

— Кого убило? Ранило? — еще издали крикнула Аня.

— Глаза, глаза ему посмотрите…

— Миною или чем?

— Проверьте глаза!

— Я тичас, товарищ капитан, тичас… — От волнения Аня не могла выговорить «сейчас». — Ванечка, глянь на мою руку… Видит, видит, товарищ капитан… видит! Ой! Не реагирует…

— Что вы цацкаетесь с ним! — прикрикнул капитан. — Боец Федоров, ко мне!

Ваня подошел к Богдановичу, обожженные губы не давали слова вымолвить.

— Боец Федоров, марш к комиссару!

Парень четко повернулся к Филину.

— Все видит, — заключил капитан. — Где бутылки с горючкой взял? Покажи рукой!

Ваня протянул руку в сторону переднего края, откуда слышался треск пулеметов.

— Утащил с огневых Дымова, — сразу определил комиссар.

— Лейтенанта Дымова ко мне! — потребовал капитан.

Повар бросился исполнять приказ…

Аня смазала пострадавшему лицо, затем стала бинтовать. Капитан сердито вышагивал. Филин старался успокоить его.

— Откуда ему знать, что горючка без спичек вспыхивает?..

— И нечего знать! — еще больше возмутился Богданович. — Из-за этого пожара нас могли разбомбить! Люди без боя погибли бы!

— Все-таки мальчишка… Рядом война, а ему приходится кашу варить…

— Жалость, комиссар, иногда боком выходит.

— И жестокость тоже, товарищ капитан.

— Ты где учился?

— В университете на истфаке.

— А я историю изучал на войне. В финскую командир у нас пожалел одного. Разожги, говорит, махонький костер, погрейся.

Этот огонек стоил жизни роте солдат.

Ваня склонил голову. Слова капитана жгли больнее горючки.

Запыхавшись, подбежал повар:

— Лейтенант Дымов с пехотой сорвался!..

— Как это сорвался? — Капитан гневно посмотрел на Удовико.

— А так, значит… Немец атаковал наших… Пехота пошла на немца… И лейтенант Дымов с ними…

— И бросил свое подразделение?

— Выходит…

— Выходит?! Война это вам или детский сад?

Повар с перепугу уже ничего не соображал:

— Не знаю, товарищ капитан…

— Что?!

— То есть война, война…

Капитан показал пальцем на Ваню, которого заканчивала бинтовать Косопырикова.

— Под конвоем немедленно отправить в тыл и сдать военному коменданту. Черношейкина ко мне!..

Повар припустился бежать. Навстречу ему, тяжело дыша, со сбитой назад пилоткой и слипшимися на лбу от пота и земляной пыли волосами, с которых по лицу и шее струились подтеки, спускался в балку, покачиваясь словно пьяный, лейтенант Дымов. Увидев Богдановича, он отер тыльной стороной ладони лицо, оправил на ходу гимнастерку, пилотку и, весь подобравшись, уже твердым шагом подошел к Богдановичу.

— Товарищ капитан, прибыл…

Богданович оглядел Дымова с ног до головы и спросил, чеканя каждое слово:

— Кто разрешил ходить с пехотой в атаку?

Дымов молчал, вытянув руки по швам.

— А если бы танки пошли? Мальчишка!

— Я не хотел. Так надо было…

— Кто приказал?

— Никто, — прорвало Дымова. — Вот скажи, комиссар, ты пошел бы в атаку, когда рядом все пошли?

— Пошел, — подтвердил Филин; он-то знал, что такое штыковая атака, испытал курсантом политучилища, когда их бросили на Можайское направление под Москвой. И, помедлив, добавил: — Но капитан прав.

— Это я понимаю… — вздохнул Дымов.

— Бегаешь, а другие пожар устраивают! — никак не мог успокоиться Богданович.

— А я тут при чем? — возмутился в свою очередь лейтенант.

— Бутылку с горючкой у тебя с огневых утащили, — пояснил Филин.

— Удивляюсь, — развел руками капитан, — как у вас этот Федоров пушку не утащил?

Дымов сжал кулаки:

— Где он?! Дайте мне его, гада! Дайте! — Увидел с перебинтованной, как снежная баба, головой мальчишку, и кулаки его разжались…

6

— На пле-е-чо! — скомандовал Черношейкин и сам, вскинув винтовку, лихо исполнил свою команду, вкладывая в это всю душу.

У Вани после нескольких дней занятий с Черношейкиным ныли руки от винтовки; хотелось утереть выступившие на кончике носа капли пота, но усач не сводил с него острых глаз и гонял без передышки:

— К но-о-ге!.. На пле-е-чо!.. Шагом марш! Левой! Левой! Круго-ом марш!.. На ме-е-сте! Стой! Вольно, перекур! — Отдуваясь, Черношейкин вытер со лба пот и уселся на откосе балки.

Ваня, словно повторяя команду, тоже утерся рукавом и присел рядом. Черношейкин свернул цигарку, пустил дым, посмотрел на взмокшую на лопатках мальчишки гимнастерку, удовлетворенно распушил кончиками пальцев усы.

— Может, будет гонять? — повернулся к нему Ваня. — Палю плохо из винтовки или гранату не умею кидать?

— Винтовкой и гранатой ты овладел, а строевой надо еще того…

— На парад меня готовишь, Черношейкин, что ли?

— Бой порядку требует, а у тебя разнобой. Как воевать будешь?

— Ну давай тогда эту, строевую!

— Кончай перекур! — Черношейкин с досадой притушил цигарку и скомандовал: — Становись! Смирно! Рядовой Федоров, ко мне!

— Товарищ ефрейтор, рядовой Федоров прибыл по вашему приказанию! четко доложил Ваня, но забыл приставить ногу.

— Отставить! — свирепо гаркнул Черношейкин. — Рядовой Федоров, ко мне!..

Черношейкин еще два дня «снимал стружку» с Вани, и, когда тот думал, что все окончено, явился лейтенант Дымов.

— Товарищ ефрейтор, как Федоров по-пластунски ползает?

— Федоров, ложись! — приказал Черношейкин. — Ставлю боевую задачу. Впереди немцы. По-пластунски достигни того бугорочка.

Ваня быстро пополз.

— Это по-пластунски называется… — усмехнулся лейтенант. — Оттопырил «же»! Так из нее немцы дырявое решето сделают. Покажи, как будешь окапываться. Куда голову высунул?! Да так башку твою в шинкованную капусту превратят!

Черношейкин! Согнать с пацана еще семь потов!

— Мало я рыл укрытий на этой кухне…

— Молчать! — прикрикнул Черношейкин. — Есть согнать, товарищ лейтенант, семь потов с пацана… то есть с бойца Федорова.

Все отчетливее слышался гул сражения. Дымов ушел. «Везде мне этот лейтенант вредит!» — зло посмотрел ему вслед мальчишка. А Черношейкин опять за свое:

— Боец Федоров, ложись! Слушай боевую задачу…

Но тут, запыхавшись, подбежал Кухта:

— Черношейкин! К орудию! Танки!

Комиссар Филин, сжимая трубку полевого телефона, до хрипоты вызывал «Дон»: связь истребителей с комдивом Сологубом не действовала. Рядом в окопе, прикрыв веточками полыни козырек фуражки, вел наблюдение капитан Богданович.

— Взгляните на те курганы, — передал он бинокль комиссару.

Хмурый Филин весь преобразился, с интересом рассматривая курганы:

— Не иначе от скифов остались…

— Чего-чего? — не расслышал капитан.

— Это их места захоронения. В древности тут скифы жили, потом хазары, печенеги, половцы. Подумать только… Когда-то здесь князь Игорь сражался с половцами…

Богданович оборвал Филина:

— Меня интересует, кто сейчас сидит на кургане. Есть у немцев там наблюдательный пункт или нет?

— Точно. Есть, — помрачнев, сухо ответил Филин. — Поблескивают стеклышки стереотрубы.

— Вызывай, историк, комдива, — уже мягче попросил Богданович.

— Товарищ капитан! — раздалось тихо позади них.

Они обернулись. Прикрытый веником из полыни, к ним подполз повар Удовико.

— Весь личный состав накормлен, — доложил он шепотом и протянул котелок Богдановичу: — Вам последний.

— Комиссар ел? — строго спросил капитан.

— Они снимали пробу.

Богданович заглянул в котелок:

— Не много ли?

— Точно по норме. Товарищ капитан… говорят, немец нас окружает?

— Говорят, кур доят. Возвращайтесь на кухню.

— Есть. — Повар уполз.

— «Дон», «Дон»!.. Я — «Чир»… — вызывал командный пункт дивизии Филин.

Капитан заметил:

— Не взяли нас в лоб, теперь в клещи берут.

— Предполагаете, связь уже перерезана? — спросил Филин.

Капитан кивнул.

— Слушай, комиссар! Кто сумеет быстро пробраться к Сологубу?

— Дымов, — уверенно ответил Филин.

— Тогда посылай…

Повар вернулся на кухню совсем перепуганный.

— Нас окружили, — сообщил он Ване.

Действительно, перестрелка слышалась очень близко и почему-то не впереди кухни, как до этого, а позади. Но Ваню это не пугало после того невозможного, что свершилось на его глазах, когда десятки танков не смогли раздавить их, горстку истребителей.

— Ты-то видел, как окружили?

— А за спиною… палят. Кто там?

— «Кто, кто»! Палят — значит, надо.

— Так думаешь, сынок, это не фрицы?

— Ладно. Будет байки разводить. Идем котел чистить…

Но чистить котел им не пришлось. Рядом разорвалась мина. Ваня пригнулся в ровике, по спине замолотили комья земли. Чья-то рука схватила за ворот. Отбиваясь, он хотел крикнуть: «Живой я!..» — но крепкая рука не отпускала.

— Беги за мной! — раздался над самым ухом требовательный голос Дымова. Ваня собрался было ответить: «С какой стати я побегу! Прогнал на кухню, а теперь еще насмехаться пришел…» — но лейтенант повелительно дернул:

— За мной!..

Повинуясь приказу, Ваня побежал за ним. Он бежал и ненавидел мелькавшие впереди голенастые ноги, заостренные, как у подростка, плечи, длинные руки, которыми тот размахивал.

Рвались мины и снаряды. В ушах шумело. Взметнувшееся облако сухой земли иногда закрывало Дымова. Но вот у самого уха Вани жикнули пули. «Ложись!» — махнул рукой лейтенант. И Ване пришлось шмякнуться на землю и ползти к Дымову. Тот ожидал его на бугре.

— Видишь?.. Они хотят нас окружить и захватить переправу…

— Вижу, — буркнул Федоров.

— Не туда смотришь, — повернул его за подбородок лейтенант. — Гляди на железнодорожный мост и на гору слева…

— Это не наша переправа…

— Нашу давно разбомбили, остался только этот мост, — пояснил лейтенант и дал Ване по загривку, когда он снова отвернулся.

Если бы не наука Черношейкина, Ваня не остался бы в долгу, а сейчас только отодвинулся, чтобы не касаться плеча лейтенанта.

А Дымов продолжал:

— На горе у моста командный пункт Сологуба. Будем пробираться к нему. Если меня убьют, капитан приказал, чтобы ты доложил комдиву: надо немедленно ударить артиллерией по Нижнечирской, там уйма немцев и техники. Понял?

Позабыв про обиду, Ваня не мигая смотрел лейтенанту в глаза. От слов «капитан приказал» мальчишка весь преобразился, и Дымов не стал его разочаровывать, что Богданович только велел захватить поваренка, чтобы тот не погиб в случае окружения. Лейтенант решил по-своему: «Так или иначе кто-то должен передать Сологубу сведения, если меня убьют».

— Будем делать перебежки: я упал, ты беги… — Хлопнув Ваню по руке, он вскочил и побежал…

В Дымова стреляли, а он продолжал бежать. Потом упал… «Убили! — похолодело у Вани в груди. — Сейчас и меня убьют. Хорошо бы окопаться и лежать».

Лейтенант шевельнулся, махнул рукой: «Беги!» А мальчишка не мог оторваться от теплой земли, словно его приклеили. Дымов погрозил кулаком. Ничего не оставалось, как бежать. «Раз, два, два с половиной…» — считал Ваня. И как угорелый сорвался с места… Пули, вздымая фонтанчики пыли у ног, впивались с угрожающим шиканьем в землю. «Ой, ранило, еще ранило…» — в отчаянии думал мальчишка и упал рядом с лейтенантом. А когда очнулся от страха, оказалось, что и царапинки на нем нет.

Дымов опять побежал, шлепнулся, и теперь была очередь за Ваней. Он весь сжался, напрягся и припустился бежать, не помня себя… Падал, снова бежал, в который уже раз прощаясь с жизнью, — с двух сторон шквал огня, фашисты вот-вот захлопнут узкий проход…

Когда, задыхаясь, они сбежали на дно балки к своим, Ване уже не верилось, что это он промчался сквозь смерть и остался невредим. Шагая вслед за лейтенантом, думал: «Трусливый ты заяц, Федоров! Не покажи тебе лейтенант кулак, так и остался бы там лежать… И, погибни он, приказ капитана не был бы выполнен».

Лейтенант вдруг обернулся и, улыбаясь, посмотрел ему прямо в глаза:

— Проскочили…

— Ага… — кивнул Ваня и тоже улыбнулся.

Потом они засмеялись, сами не зная отчего. Может, оттого, что остались живы, а день был славный, солнечный, с прохладным ветерком. Может, оттого, что поняли — не из-за чего им ссориться. И они, как озорные мальчишки, старший и младший, радовались от души, перебивая друг друга:

— А я думал, тебя убили, когда ты лежал, — сказал лейтенант.

— А я думал, тебя… вас, товарищ лейтенант, — поправился Ваня.

Он открыл для себя, что лейтенант парень неплохой. «Ведь у него и в мыслях не было, что я струсил».

Еще издали они увидели, как над высотой, где расположился командный пункт, кружил разведывательный самолет «фокке-вульф», прозванный бойцами за двойной фюзеляж «рамой». Когда подошли к горе, ее уже бомбили штурмовики.

Дымова убеждали переждать бомбежку в блиндаже комендантского взвода он не согласился: сведения о скоплении противника следовало передать немедленно. Оставил Ваню в укрытии и начал карабкаться на высоту, хватаясь руками за кустики полыни и сухую траву.

Развороченная бомбами верхушка горы была окутана дымом и рыжей песчаной пылью. До слуха лейтенанта доносились приглушенные стоны отовсюду звали на помощь раненые. А бомбы всё сыпались, будто фашисты задумали не только уничтожить здесь все живое, но и срыть эту страшную для них гору. Дымов отчаялся уже найти в этом кромешном аду Сологуба, как вдруг земля под ногами осыпалась, и он скатился в полуразрушенный, темный от пороховой гари блиндаж. Раньше чем лейтенант рассмотрел комдива, он услышал его поразительно спокойный голос.

— Та разумею, разумею… — мягким украинским говорком отвечал он кому-то в телефонную трубку. — Бомбят вас крепко? Ай-ай-ай! А у нас как? Тишь, гладь да божья благодать. Слухай, Юрченко, хуторок мне взять обратно!..

На командном пункте все радиостанции были разбиты, телефонная связь сохранилась лишь с одним полком.

Комдив на лету схватил сообщение лейтенанта и приказал ему мчаться во весь дух за Дон в артполк и передать координаты скопления противника в Нижнечирской. Ничего не добавил комдив. Но его взгляд, в котором были и надежда, и приказ, и

просьба, и еще что-то большее, поразил Дымова… Лейтенант вдруг необыкновенно уверовал в свои силы, в себя, в то, что именно он спасет положение.

Потом, в трудные минуты, его не раз охватывало такое же чувство. Пропадал страх. Он не думал: убьют или нет? Хотел только одного выстоять, удержать тот клочок родной земли, который ему с бойцами приказали оборонять. То, что владело им и его боевыми товарищами в те минуты, было очень дорогое, чистое и возвышенное.

Ваня и Дымов мчались на открытой машине комдива по железнодорожной насыпи, по доскам, уложенным на шпалы. Влетели на железнодорожный мост, прогромыхали по настилу. Длинный мост промелькнул красными зигзагами ферм. Понеслись по степи, огибая излучину Дона. Влетели в дубовую рощу и наконец остановились… Зеленые стволы орудий были еле заметны на опушке поляны. Эту поляну Ваня сразу узнал — здесь проходил митинг. Он вспомнил, как здесь поклялся громить фашистов и технику «всей Европы». И вот сбывается…

Лейтенант показал майору-артиллеристу на карте точку, куда дать залп, и тут же велел шоферу ехать обратно.

— Теперь нечего спешить, — ответил шофер, — мост закрыт до вечера.

«Как же быстрее доложить комдиву о выполнении приказа?» — думал Дымов и попросил шофера:

— Тогда давай быстрее к реке!

Когда машина почти выехала из рощи и по ту сторону Дона стала видна высота с командным пунктом, лейтенант хлопнул по плечу шофера: «Стой!» — и начал раздеваться.

«Вплавь пойдет», — подумал Ваня. Своим решением Дымов окончательно привел его в восторг:

— Может, и я с вами махну, а?

— Еще чего захотел! — Лейтенант отрицательно мотнул головой и, передавая Ване одежду, предупредил: — В гимнастерке все документы и комсомольский. — Озорно припустился по песчаной косе и с разбегу бросился в реку.

Через несколько секунд показалась его голова, он начал отмахивать саженками.

Шофер крикнул:

— У берега нельзя стоять! Поехали!

Сквозь мелькавшие деревья Ваня следил за Дымовым… Вдруг возле плывущего вода забуравилась фонтанчиками. С того берега Дона затарахтел пулемет. Ваня привстал в машине:

— Заметили, гады!

Голова Дымова скрылась. Вот снова показалась… Ваня и

беспокоился, и завидовал лейтенанту, и хотел быть сейчас на его месте.

Дымов, набрав воздух в легкие, глубоко нырял и плыл под водой до тех пор, пока не начинало колоть в ушах… Сегодня он видел, как тяжело было Сологубу, но, несмотря ни на что, тот не терял головы. И теперь, заставляя себя не думать об опасности, лейтенант плыл и плыл… Наконец миновал середину реки, и фонтанчики воды, вздыбленные пулеметом, остались позади. Дымов уже представлял, как доложит комдиву о выполнении приказа и как тот обрадуется…

Раздался мощный залп нашей артиллерии, и прокатилось гулкое эхо.

Только Дымов выбрался на берег, его схватили несколько дюжих солдат. Лейтенант отчаянно отбивался, ругал их отборными словами, пугал Сологубом, но ему заткнули рот пилоткой, скрутили руки и, хорошенько поддавая, поволокли по огородам, потом через насыпь железной дороги. Здесь взорвался когда-то эшелон с боеприпасами, и острые осколки впивались в босые ноги лейтенанта. Он упирался, мычал. «Ишь, поганый фриц, — возмущались бойцы, — бомбить нашу землю легко было, а ходить по ней — пятки горят».

Весь исцарапанный, лейтенант был доставлен под конвоем на командный пункт Сологуба. У входа в блиндаж стоял Сологуб с тем самым генералом, который догнал их воинский эшелон в пути на машине. Командарм был чем-то озабочен и, увидев Дымова, только усмехнулся, снова обернулся к Сологубу. А лейтенант мог лишь беспомощно переминаться с ноги на ногу и что-то мычать. Старший из бойцов дал ему пинка, чтобы не рыпался, и взметнул руку к пилотке:

— Товарищ генерал-лейтенант, разрешите до комдива обратиться?

— Обращайтесь, — кивнул Чуйков.

— Товарищ полковник, захватили фрица! Под водою плыл… Лается по-нашему, гадина, и ваше имя еще называет…

Комдив оглядел пленного, хитро сузил веселые глаза:

— А может, хлопцы, це наш?

— Не-е… Наши в трусах не воюют, — уверенно ответили бойцы в один голос. — А они, сволочи, кое-какие наши слова изучили. Тот фриц со сбитого самолета тоже в трусах был и по-русски ругался…

— Ладно, идите, — отпустил комдив солдат, потом вытащил изо рта Дымова пилотку, развязал ему руки и расхохотался: — Добре ж хлопцы тебя скрутили! Ну, спасибо, лейтенант! Выручил. Быстрый ты, только больно горячий. Прямо настоящий огонь! Так

тебя и звать будем.

Давно мечтал лейтенант о том, как выполнит приказ комдива и тот его похвалит, а теперь, сконфуженный, и слова не мог произнести.

— Йодом помазать! И обмундировку дать! А то в таком виде его русалки уволокут, — с улыбкой заметил командарм и, проводив взглядом Дымова, продолжил с Сологубом прерванный разговор.

Они думали, что́ еще возможно предпринять, чтобы удержать железнодорожный мост через Дон. Захватив его, фашисты могли кратчайшим путем нанести удар по Сталинграду. В том, что они стремились осуществить этот замысел, не было никакого сомнения — с каждым днем все больше к плацдарму стягивалось немецких войск.

Вечером Ваня только переехал мост, как машину остановил Дымов. Он ожидал его в новом обмундировании, радостный. Наша артиллерия разбила скопления противника, и первая попытка немцев взять русских в клещи не удалась. В самом хорошем настроении Дымов и Ваня ночью добрались к своим.

— Ну, докладывай, лейтенант… Огонь, как тебя к Сологубу притащили? — спросил комиссар Филин. Он, как всегда, уже знал обо всем.

А затем Ваня услышал в темноте голос Богдановича: он стал отчитывать Дымова за то, что тот не подождал, пока откроют движение по мосту, и поплыл через простреливаемый немцами Дон.

«Чуть что — так выручай, Дымов!..» — удивился Ваня. Теперь он готов был заступиться за «своего лейтенанта» — так впервые он назвал его про себя.

В ночной тиши раздались тяжелые взрывы, зашарили но небу лучи прожекторов. Это немцы бомбили на подходе к Дону наши эшелоны с боеприпасами, которым все тяжелее сюда было пробиться. За Доном плацдарм настолько сузился, что немцы уже обстреливали железнодорожный мост из полковой артиллерии. К этому времени дивизия Сологуба оказалась отрезанной от соседних соединений и прижатой к реке на небольшом участке у самого моста. От всей противотанковой части Богдановича сохранилось едва ли три огневых взвода. Казалось, что уже нет сил удержать плацдарм, но поредевшие части дивизии все еще отражали натиск противника.

Наконец произошло самое страшное — прекратился подвоз боеприпасов. И когда немецкие танки прорвались через наши боевые порядки — вот-вот захватят мост и овладеют левым

берегом Дона, — комдив принял решение: передать оставшиеся боеприпасы одному из батальонов для того, чтобы удержать мост, пока все части дивизии займут оборону на той стороне…

Рвалась шрапнель. Осколки молотили по железным фермам моста и с диким воем отлетали. Пылали просмоленные шпалы. Огонь слизывал краску с железа. Задыхаясь, Ваня бежал по горящему настилу. Кирзовые сапоги и вся одежда так нагрелись, что жгло тело.

— А-а-а!.. — раздался рядом истошный крик. Кто-то, охваченный огнем, сорвался с высокого моста; в грохоте рвущихся снарядов не было слышно всплеска…

— Давай, давай, Ванюшка!.. — Черношейкин толкал его в спину, а Ваня все оглядывался…

На правом берегу остались лейтенант с комиссаром. Комдив приказал им уничтожить две машины с противотанковыми пушками. Переправить их было невозможно: наши танки, подбитые фашистами, преградили путь по железнодорожной насыпи. Но Дымов, уверенный, что они скоро вернутся на правый берег Дона, решил скатить машины и пушки с насыпи и спрятать их в болотистой пойме. И Ваня, если бы не приказ комиссара, помог лейтенанту и нипочем бы его не бросил. Он бежал и все оглядывался. Но в бушующем огне и дыме ничего не было видно.

— Поднажми, Ванюшка! — торопил Черношейкин.

Мост казался невероятно длинным. На машине когда-то Ваня промчался по нему за несколько минут, а теперь бежит — и конца нет… «Мы-то с Черношейкиным спасемся, — думал он, — а вот лейтенант с комиссаром…»

Наконец пляшущие языки пламени остались позади, лицо обдало свежим ветром. Ухватившись за перила, они жадно глотали чистый воздух и кашляли до хрипоты. Неподалеку, широко расставив ноги, стоял Сологуб. Он будто не замечал рвущейся над головой шрапнели. Все его внимание было приковано к пылающим пролетам моста…

Дивизионный инженер то и дело подходил к Сологубу и горячо доказывал: «Нельзя больше тянуть! Не взорвем мост, потом поздно будет». Но комдив все ждал… Не мог он бросить своих солдат на той стороне. Жаль ему было и мост — прекрасное сооружение рук человеческих.

Ваня молил про себя: «Подожди, Сологуб, подожди еще, миленький…»

Мост объят уже сплошным пламенем — трудно перебежать. И по реке теперь не переплывешь — фашисты подошли к самому берегу, так строчат из пулеметов, что и птице не перелететь…

А лейтенанта с комиссаром все нет. Взгляды Вани и

Черношейкина прикованы к мосту. Вот показались двое… Один — коротышка, второй высокий, худой. На этого второго вся надежда Вани. Бегущих то застилал дым, то вдруг они прорывались сквозь него, виделись отчетливее. И, когда приблизились, Ваня узнал в них Кухту и Пивоварова. Лейтенанта не было… Тут подошли саперы, прогнали всех в укрытие.

И когда надежда была совсем потеряна, из огня выбежали еще двое. Издали Ваня приметил голенастого парня, похожего на Дымова, и весь сжался в ожидании: лишь бы не ошибиться. Но нет, это были Дымов с комиссаром. Обгорелые, закопченные. Гимнастерки и брюки на них дымились.

Филин и Дымов доложили комдиву, тот спросил у них что-то. «Не иначе, — подумал Ваня, — узнавал, не бежит ли за ними еще кто». Комиссар отрицательно покачал головой. Сологуб еще немного постоял и кивнул инженеру: «Кончай». Тот замахал руками, заорал во всю глотку:

— Все-е в укры-ы-ти-е-е!

Вскоре раздался такой оглушительный взрыв, что Ваня зажал уши и пригнулся. Когда он поднял голову, моста не было.

7

После открытой, выжженной степи левобережный Дон с его прохладной зеленью, казацкими хуторами, утопающими в яблоневых и вишневых садах, мирными петушиными криками казался сказочным краем. После всего пережитого на правом берегу в степи это было чудом. Истребители танков расположились на окраине хутора, в колхозном саду, и Ваня Федоров смотрел на синий дымок, вьющийся из летних кухонь, вдыхал запах горелой соломы и кизяка, слушал мычание коров, возвращавшихся в сумерках во дворы, и невольно представлял свою деревню… Вот сейчас его мать выйдет с подойником и с маленькой скамеечкой, начнет доить буренку. Тугие струйки молока вначале будут звонко цвиркать по жестяному дну и краям подойника, потом в пенистом молоке звук станет глухим, мягким. Так ярко Ваня это себе представил и так захотелось еще раз все это ощутить, что он направился к крайнему двору. Его заметила пожилая казачка и вскрикнула:

— Ой, совсем мальчишечка-солдатик! Сейчас, сынок, корову подою, парного молочка попьешь.

Ваня быстро ушел.

Да… война осталась по ту сторону Дона. Тяжелые «хейнкели» с бомбовым грузом пролетали мимо, к Сталинграду. Истребители танков приводили себя и технику в порядок.

Пришло пополнение. Первые письма бойцам. Только Ване не от кого было ждать.

На третий день пребывания в этом раю лейтенант получил задание: разведать местонахождение батальона и других частей армии, оставшихся в окружении на той стороне.

«Солдатское радио» уже разнесло: «С лейтенантом Огнем пойдут семеро». Несколько раз прибегала Анечка, будто проверить санитарные условия в подразделении. На самом деле все прекрасно понимали, что ее интересует: возьмут ли ее в разведку? С этим она обращалась и к Филину. «Наверняка возьмут Кухту и Черношейкина, — размышлял Ваня, — а про меня забудут…» Однако он не терял надежды — Дымов не вернулся от комдива, и разведчиков еще не отбирали. Ваня загадал: если Дымов, возвращаясь по дорожке, наступит на ветку, то он пойдет с ним за Дон.

Наконец в глубине сада показался лейтенант… Он повернул на дорожку и, возможно, наступил бы на ветку, но тут его окликнул комиссар и, подойдя, спросил:

— У Сологуба был?

Дымов кивнул.

— Может, санинструктора возьмешь? Ранит кого…

— Ну, знаешь, баб мне не надо. Война это или детский сад?

Улыбнувшись, комиссар ушел. Лейтенант постоял в задумчивости, шагнул и наступил на ветку. Ваня, радостный, подскочил к нему.

— Черношейкина и Кухту ко мне! — приказал лейтенант.

— Есть! В разведку их берете?

— Откуда знаешь?

— Знаю…

— Нюх разведчика у тебя есть.

— Так точно! — Козырнув, Ваня убежал.

Дымов прилег под куст. Мимо, чеканя шаг, прошла Аня, поприветствовала его по всем правилам устава. Приподнявшись на локте, он посмотрел на нее удивленно… Аня четко повернулась:

— Вы что-то хотели мне сказать, товарищ лейтенант?

— Нет…

— Тогда разрешите идти?

— Идите.

Дымов не мог понять, что произошло с Аней-санинструктором. Почему вдруг она прониклась к нему таким уважением? И где она так обучилась строевой?.. Прямо залюбуешься! А Дымов, хотя и был лейтенантом ускоренного выпуска, понимал в строевой толк.

К замечтавшемуся лейтенанту подошли Черношейкин и Кухта. Кашлянув, доложили о своем прибытии. Дымов обернулся и, смущенный тем, что они могли прочесть его мысли, подчеркнуто строго распорядился:

— Пойдете со мной. И ваши два расчета тоже. Возьмете сухой паек на три дня. И чтобы автоматы, гранаты и все прочее было в порядке. До вечера спать.

Солдаты ушли, а Дымов, завалившись под куст, все думал о девушке.

Ваня принес кашу в начищенных до блеска котелках и терпеливо, с волнением ожидал, пока «его лейтенант» поднимет на него очи. Тот потянул носом на запах каши с тушенкой и наконец заметил котелки.

— Ты надраивал?

— Ага. Ваш и свой. — Ваня, довольный, протянул Дымову котелок.

— Чего ты мне все: «вы», «ваш»… — заметил лейтенант, уничтожая с аппетитом кашу. — Когда одни, говори мне «ты».

Совсем счастливый, Ваня присел рядом и, принимаясь есть,

спросил:

— А чего эта самая к тебе подходила? Вышагивает, как гусыня!

— Анька?

— Ну да.

Дымов довольно усмехнулся:

— Хочет идти со мною.

— И ты ее возьмешь? — возмутился Ваня.

— Не говори так. Она, знаешь… Одним словом, дисциплина.

И шаг печатает — залюбуешься.

— Тоже мне… дисциплина!

Дымов нахмурился и протянул ему недоеденную порцию каши:

— А котелок мой замажь. С таким зеркалом быстро попадешь на мушку.

Мальчишка даже растерялся от неожиданного поворота:

— Я что… Я могу замазать. И мой тоже?

Увидев, как у парня задрожал подбородок, Дымов, потягиваясь, сказал уже мягче:

— Как хочешь… Я храпану. Разбудишь, когда солнце скроется. — И улегся.

«И черт меня дернул за язык заговорить с лейтенантом об этой Аньке! — клял себя Ваня. — Если бы не она… он, может, и взял бы меня с собой». Ваня так расстроился, что, забравшись в гущу кустов, просидел там целый час. Потом, увидя Филина, выскочил из своего убежища и преградил ему дорогу:

— Товарищ комиссар, разрешите обратиться до вас?

— С лейтенантом хочешь идти?

Ваня изумленно посмотрел на комиссара:

— Подходящая у вас фамилия!.. Он, филин этот, и ночью даже видит…

Комиссар рассмеялся:

— Чего ж тут не видеть!..

Ночью, когда скрылась луна, разведчики тихо уселись в лодку. Ваня стоял рядом и ожидал, что скажет Дымов, но тот только пожал ему руку…

Несколько ночей кряду разведчики переплывали Дон у взорванного моста, но обнаружить наших не удавалось; зато утащили из-под самого носа у немцев те самые пушки, которые лейтенант с комиссаром спрятали в пойме, и переправили их на плотах.

Потом Дымов вел разведку выше по Дону, и Ваня опять не уходил от берега. Пехотинцы, занимавшие здесь оборону, уже привыкли к нему.

Проводив разведчиков, Ваня обычно устраивался под свисающим в воду пологом густых зеленых ветвей ивы. Наблюдать надо было скрытно — немцы периодически освещали речную гладь ракетами. Здесь же прикорнув, Ваня пробуждался задолго до рассвета и сидел, прислушиваясь к ночным звукам. В это время особенно смаривал сон, даже немцы не бросали ракет и не простреливали трассирующими пулями Дон. Вот тогда и раздавался легкий всплеск, будто играла у поверхности рыба. Ваня знал: это возвращались разведчики. Он помогал им

бесшумно вытащить лодку, спрятать в прибрежных кустах, потом вместе с ними ел вкусный разведпаек и укладывался спать на пахучее сено в блиндаже. Но в эту ночь он не сомкнул глаз: какая-то тревога овладела им… Пора разведчикам уже возвращаться. Но сколько он ни вслушивался — никакого всплеска.

Черная вода стала сереть… Ему хотелось, чтобы ночь протянулась как можно дольше и, скрыв в темноте наших ребят, помогла им добраться назад. С вечера нависли низкие тучи. Хоть бы дождик пошел… Но поднявшийся к утру ветер очистил небо, и рассвет наступил неожиданно. Угрожающе стал вырисовываться противоположный крутой берег с немецкими укреплениями. Там пробудились… В раннее безмолвие раскатисто ворвался треск пулеметов. Ваня всю ночь просидел в таком напряжении, что не ощущал ни утренней сырости, ни холодных капель росы, стекавших с ивовых листьев за ворот его гимнастерки, но тут невольно содрогнулся от мысли: какой опасности подвергались теперь разведчики, оставшись на том, враждебном берегу. Засветло им уже не вернуться…

Бойцы позвали его в окопы, дали котелок горячей каши. Он к ней даже не притронулся; закутавшись в шинель, прилег в блиндаже. Уснуть не мог…

Лейтенант, которого Ваня раньше недолюбливал, стал ему дорог. Если спросить, почему так случилось, он не ответил бы. Просто ему хотелось быть с Дымовым, походить на него во всем. Начало дружбы, как и любви, всегда очаровательно своим таинством… Еще не знаешь, как дальше сложатся отношения с тем, кто завладел твоим сердцем и думами, но тебя неудержимо тянет быть рядом с этим человеком.

В полдень августовское солнце так палило, что и в прохладном блиндаже было душно. Болела голова. Ваня слышал, как попискивал зуммер телефона, потом к проводу вызывали командира роты, и тот доложил Сологубу, что разведчиков еще нет.

Самое страшное приходило Ване на ум. А вдруг разведчиков захватили немцы… Пытают их каленым железом… Ведут на расстрел…

А между тем разведчики действительно попали в тяжелое положение. Обнаружив наконец наши окруженные части, они поспешно двинулись в обратный путь. К рассвету успели достичь только немецкой береговой обороны, с трудом пересекли ее и очутились на песчаной косе. Тут и там лежали наши убитые солдаты. Прижатые к реке, они до последнего патрона держали оборону, здесь и приняли смерть… Одни, стреляя с колена,

завалились с винтовкой на бок, другие упали навзничь, третьи распластались на песке, словно обняли в последнюю секунду жизни родную землю. Немцы не хоронили наших…

Переправиться через Дон уже было невозможно — совсем рассвело. Дымов приказал залечь среди убитых и не шевелиться: поблизости фашистские дзоты. Скоро стало припекать солнце, и разведчики начали задыхаться от раскаленного песка, зноя, трупного запаха. Совсем рядом текла прохладная река, до безумия хотелось броситься в нее, окунуться, глотнуть воды, а потом… хоть помереть.

В полдень сержант Кухта почувствовал: голову так припекло, что вот-вот хватит солнечный удар. Поправил пилотку. Немец в дзоте или испугался, что убитые русские оживают, или ему просто наскучило сидеть. Высунул из амбразуры руку с парабеллумом, черный кружок ствола покрутился. Грохнул выстрел. Одна пуля пробила голову убитого, другая — ногу лейтенанта.

В сапог натекла липкая кровь. Дымов терпел. Знал: стоит ему чем-нибудь выдать себя, перестреляют их немцы, словно куропаток, и задание комдива не будет выполнено. Все нестерпимее жгло ногу… Дымов старался представить, как бы в его положении вел себя Сологуб, и не позволял себе шевельнуться. А фашист все упражнялся в стрельбе, каждый раз мучительно долго выбирая цель.

…Этот день показался Ване как никогда длинным. Он еле дождался сумерек и пробрался на свой «наблюдательный пункт». Позднее подошли капитан и комиссар, молча сели рядом.

В полночь Дон осветился ракетами. Зарокотали пулеметы. Справа от себя Ваня увидел выхваченную светом ракеты лодку с гребцами. Вскочил и помчался вдоль берега, утопая в глубоком песке. Пули с шипеньем булькали в воде, взбивали песок у его ног.

— Товарищ лейтенант, да вы поосторожней! — услышал он в темноте голос сержанта Кухты. — Мы сами разгрузим, а вы посидите.

Ваня подпрыгнул: «Значит, жив! Жив!..»

Лодка пристала к берегу, и разведчики разгружали бронебойки с винтовками, добытые на той стороне. Ваня стал помогать им, не спуская глаз с прихрамывающего Дымова.

— Да вы посидите, — все уговаривал Кухта командира и сказал подошедшему Богдановичу: — Ранен он.

— Марш за мной к Сологубу! — приказал Дымову капитан.

Ваня рванулся было за лейтенантом, но Богданович остановил его:

— А ты, Федоров, таскай оружие…

Наблюдательный пункт комдива находился неподалеку, но идти к нему пришлось вкруговую, по узкой извилистой щели. Капитан шел впереди и все останавливался:

— Как нога?

— Да у меня ж царапина, товарищ капитан, — морщась от боли, отвечал Дымов.

У блиндажа их встретил адъютант Сологуба, провел через темный тамбур, завешанный плащ-палатками, приподнял еще один полог, и вошедших неожиданно ослепило электричество… Яркая маленькая лампочка от аккумулятора заливала блиндаж белым светом. Сологуб, в плотно обтягивающей стального цвета гимнастерке из шевиота, склонился над картой. Усадив Дымова за стол, он попросил показать на карте место, где окруженные части армии продолжают вести бой.

— Прости, — извинился комдив, — что, раненного, тебя мучаю. Но командарм ждет сведений. Там ведь много голодных и раненых. Надо их выручать.

Дымов рассказал все, что узнал об окруженных частях. Отдал Сологубу окровавленные партбилеты и красноармейские книжки, взятые у бойцов, что пали на косе. Они погибли, но даже мертвые помогали нашим, укрыв разведчиков…

Отпуская лейтенанта, комдив обнял его:

— Передай хлопцам своим, Огонь, что они молодцы! Знаю по Испании, как пролежать на жаре день, да еще среди убитых…

Оказывается, наблюдатели доложили комдиву, что разведчики залегли на песке между убитыми, и он весь день не отрывал глаз от стереотрубы. Артиллеристы были в полной готовности по его приказу ударить по фашистской укрепленной линии.

К Ваниной радости, капитан приказал ему сопровождать лейтенанта в медпункт части. Хоть и рядом, решили подъехать на машине. Разведчики нарубили веток в кузов полуторки, сверху постелили еще сена, потом неожиданно подбежали к Ване, схватили его за руки и за ноги, раскачали и забросили в мягкий кузов, а Дымова бережно уложили. Когда машина отъехала, Ваня спросил:

— Как вам, ничего?

— Ничего, — ответил лейтенант, блаженствуя на сене. — Ты спал сегодня?

Хорошо, если за трое суток Ваня вздремнул часа два, но ответил бодро:

— Да я что… я спал, товарищ лейтенант.

— Тогда я сосну.

Ваня обхватил распоротый сапог лейтенанта с забинтованной ногой и придерживал, чтобы не трясло на выбоинах дороги, а через минуту заснул в обнимку с сапогом, уткнувшись головой в живот Дымову.

Когда он открыл глаза, машина стояла у палаток; лейтенанта с ним рядом не было. Парень цокнул языком: «Прозевал!..» — и выпрыгнул из кузова.

Кругом темнота. В тыловых подразделениях строгая маскировка. Лишь присмотревшись, Ваня различил светлое пятнышко в брезенте и пошел на него. Но голос Дымова он услышал совсем из другой палатки.

— Да какое это ранение! — возмущался лейтенант.

— Ложитесь, больной! — требовал женский голос.

Ваня понял, что лейтенанта надо выручать, и нырнул под брезентовый полог…

Лампа из сплющенной гильзы тускло освещала палатку. Дымов сидел на кровати с перебинтованной ногой и с усмешкой поглядывал на Косопырикову в белоснежном халатике. Ваня даже присвистнул: «Эта замухрышка еще смеет командовать!..» Не успел он прикинуть, как лучше высвободить лейтенанта, Аня обернулась и строго спросила:

— Ты зачем здесь?

— Не задирай нос, — осадил ее Ваня, — это мой лейтенант. Понятно?

— Понятно. Какой командир, такой и боец! — усмехнулась она и скомандовала: — Федоров, а ну, шагом марш отсюда!

— Ты кому это, Косопырикова, шагом марш?! — подступил к ней Ваня.

— Федоров, отставить, — сказал Дымов и успокоил Аню: — Он уйдет, я только хочу передать с ним…

— Ну, тогда быстрей.

— А может, у меня секрет, — лукаво улыбнулся лейтенант.

— Пожалуйста. — Она повела узким плечиком и отвернулась.

Дымов притянул к себе Ваню и шепнул:

— Попроси шофера отогнать машину, и ждите меня поблизости. — И громко добавил: — Скажи, рана пустяковая. Просто «врач» строгий попался, не отпускает.

— Есть передать! — прищелкнул каблуком Федоров и, проходя мимо девушки, козырнул: — Счастливо оставаться, «товарищ военврач».

— Видите, какой у меня вежливый солдат, — заметил ей Дымов.

Пригнувшись, в палатку вошел капитан Богданович:

— Ну как?

Дымов вскочил с койки:

— Пустяки, товарищ капитан. Разрешите готовиться в десант?..

Богданович оборвал его:

— Тебя не спрашивают. — И посмотрел на Аню: — Ну?

— Ранение нельзя назвать опасным… — ответила девушка, робея под строгим взглядом капитана.

— В госпиталь его надо отправлять?

— Пока не знаю… Но надо выдержать. Он же весь день пролежал раненый на песке… Может быть заражение, хотя я сыворотку ввела.

— Ложись, Огонь, — уходя, приказал капитан. — А ты, Косопырикова, гляди, чтобы не сбежал.

— Есть, — покорно улегся на койку Дымов.

Аня, проводив взглядом Богдановича, начальственно посмотрела на лейтенанта.

— Неужели, Косопырикова, отправишь меня в госпиталь?

— Посмотрим, — строго ответила Аня. Затем вытащила из тумбочки тетрадь, уселась на табуретку и принялась писать.

— Что ты пишешь там?

— Письмо маме. Лежите спокойно, больной.

— А моя мать в Ленинграде… Не отвечает на письма… — как-то вырвалось у него само собой.

— А моя в бомбежку погибла…

Дымов от удивления приподнялся:

— А кому ж ты пишешь?

— Тете…

Только сейчас Дымов понял: она часто смеется не оттого, что ей весело. Просто от этого ей становится легче. И им от этого легче.

— Вот что…

— Что?

— Это я зря говорил, что у тебя смех дурацкий… Это хорошо, когда ты смеешься…

Аня улыбнулась, сняла пилотку и в задумчивости стала расплетать косу.

— Косопырикова!.. — воскликнул Дымов. — У тебя такая коса?!

— Нельзя, да? — испугалась она.

— Красиво. И ты совсем другая…

— А я все боялась, что прикажут срезать. И чтобы спрятать ее, подобрала большую пилотку.

— А я думал, у тебя голова такая большая.

Они оба засмеялись…

Ваня растолкал шофера в кабине, передал приказ лейтенанта, вернулся назад и, притаившись напротив палатки, стал ожидать. Время шло, а Дымов не появлялся. Ваня подкрался ближе и отогнул край полога… Девушка расчесывала волосы, а лейтенант смотрел на нее, как на картину.

— Я видел вас во сне… вот такой… — Дымов запинался от смущения.

— Какой?

— С длинной косой. Вас схватил когтями черный стервятник. А я летел на коне спасать…

— Меня… спасать? — засмеялась она, закрепляя косу на затылке.

— Правда, — тихо сказал лейтенант, не сводя с нее глаз.

Ваня с досады отошел. «Дело на безделье меняет!..» Постоял, потом, изменив голос, сердито крикнул:

— Куда все медики подевались? — и спрятался за палаткой.

Аня выскочила. Ваня приподнял брезент, пролез внутрь палатки к топчану Дымова:

— Бежим, товарищ лейтенант!

Дымов, задумавшись, продолжал лежать.

— Бежим, а то вернется! — дернул его Ваня.

— Попадет ей, — поднимаясь в раздумье, сказал Дымов.

— Так ей и надо, чтоб не задавалась.

Дымов свернул матрац, прикрыл одеялом, будто на койке спит человек. Потом Ваня и лейтенант вынырнули из-под палатки, через кусты добрались до машины. Шофер, не зажигая фар, тронул…

8

Истребителей танков вместе с пехотой назначили в десант на правый берег Дона, чтобы помочь вырваться из окружения частям 62-й армии. Едва забрезжил рассвет, когда первые лодки с автоматчиками тихо отплыли и сразу скрылись в тумане, настолько густом и белом, что его хотелось пить, как теплое парное молоко.

Ваню в десант, конечно, не взяли, но прогнать его от берега комиссар не решился, и теперь он сидел в укрытии вместе с Филиным и капитаном Богдановичем, наблюдая за переправой. Его так и подмывало помочь бойцам столкнуть в воду плоты с пушками.

— Товарищ капитан, разрешите…

— Пусть сами справляются, на том берегу им потяжелее придется, — отрезал Богданович, вглядываясь, как, окутанные туманом, бесшумно, словно призраки, двигались у берега бойцы.

Ваня осуждающе посмотрел на капитана и вздохнул. Комиссар положил руку ему на плечо:

— Сиди, Федоров. Капитану и мне запретили в десант, а тебя сам бог не велел пускать. Ну вот, догадались… Полезли в воду за Дымовым, наконец-то столкнули плот…

— Дымов?! — Капитан от удивления чуть не выпрыгнул из ровика.

— Сбежал из-под вашей охраны, — пояснил Филин.

Ваня усмехнулся — это произошло не без его участия.

— Санинструктора немедленно ко мне!

— Она тоже отплыла, — сообщил Филин. — Я отпустил. Раненых много будет.

— Вернется, в пехоту отправить за то, что лейтенант сбежал у нее из санчасти! — приказал разгневанный капитан. — А ему пять суток ареста!

Филин переждал, пока Богданович остынет, и, глядя на клубящийся Дон, заметил:

— Товарищ капитан, а ведь здесь когда-то флотилия Петра Первого плыла на Азов…

Богданович метнул взгляд на Филина, подумал: «Дипломат!» — и сказал:

— Хороший из тебя командир получится: спокойный ты в бою, головы не теряешь.

Высадиться скрытно десанту не удалось… Взвились немецкие ракеты, вспыхнув в тумане яркими матовыми шарами. Загоготали злые растревоженные пулеметы, сотни огненных трасс

схлестнулись в тумане. От рвущихся мин и снарядов закипел кипятком, вздыбился Дон. На воде солдатам гибель, одно спасение — быстрей достичь того берега и вступить в бой.

Но что это?.. В немецкую какофонию грохота тоненькой ниточкой вплелись автоматные трели, поначалу еще совсем слабенькие и разрозненные, затем перешедшие в сплошной дружный треск. Раздались сухие, звонкие выстрелы «сорокапяток». Ваня различил бы их среди тысяч пушек!..

Напряженное лицо комиссара расплылось в улыбке, он повернулся к капитану. Ваня вскочил в ровике и закричал во весь голос:

— Наши-и!.. На той стороне!..

Его крик потонул в грозных раскатах артиллерии — она ударила по укреплениям немцев на правом берегу. Так длилось минут десять. Потом дымящийся туман прорезала серия зеленых ракет, и разрывы снарядов стали отдаляться. «Ага, — понял Ваня, — зелеными ракетами наши просят перенести огонь дальше. Значит, идут дела!»

Туман уже рассеивался, когда появились первые раненые и подтвердили, что десант закрепился на том берегу. Но радость была недолгой. Налетели немецкие самолеты. Наших стали теснить. Ваня видел, как Сологуб ходил по берегу, распоряжался отправкой подмоги десанту. В одну из лодок, едва она отчалила от берега, угодила мина. Вынырнули только два бойца…

Падали сраженные осколками люди, а Сологуба смерть обходила. «Заговоренный он, что ли?» И только Ваня подумал, как, ударившись о дерево, оглушительно разорвалась мина. Разлетелись с визгом раскаленные осколки… Комдив покачнулся и снова выпрямился. По лицу его, по широкой груди текла кровь. Подбежали бойцы, хотели унести его на руках, но он не разрешил. Опираясь на плечи солдат, продолжал командовать.

У Вани перед глазами ожил митинг на поляне в дубовой роще, и он вспомнил клятву Сологуба: «Будем биться, хлопцы, до последнего удара сердца!»

Увидев, как Ваня побледнел, капитан приказал:

— А ну, марш на кухню! — И добавил помягче: — Посмотри, жив ли повар?

«Что с ним сделается, с поваром?» — хотел крикнуть Ваня, но встретился со строгими глазами капитана и выскочил из ровика.

Скрывшись в глубине рощи, он остановился. Лучи солнца почти не пробивали густой кроны деревьев, гул боя доносился сюда приглушенным, и какая-то птаха даже беззаботно распевала. «Я тут птиц слушаю, а там наших убивают!» — обозлился на себя Ваня, но повернуть назад и нарушить приказ капитана не смел.

К переправе по лесной дороге быстро шла рота.

— Эй, а ты куда идешь? — спросил Ваню один из солдат.

— Ясно куда! — ответил другой. — Пятки смазывает…

Солдаты засмеялись. Ваня, решительно повернув назад, пристроился к ним. Как только рота миновала рощу, командир скомандовал:

— По отделениям… к лодкам… бегом… марш!

И Ваня тоже побежал вслед за бойцами. Впереди грохнул разрыв. Вскрикнул боец, упал… Ваня подобрал его автомат, вскочил с разбегу в лодку и начал грести прикладом. Пришел в себя, лишь когда выплыли на середину реки. Тут его и заметил сержант, командир отделения:

— Э-э, малый! А ты чего здесь?

— Наши там, — махнул Ваня в сторону правого берега, — и я должен быть там!

— Это верно, — согласился сержант.

Рядом гулко разорвалась мина, и всех в лодке окатило водой. Сержант, налегая на весла, покрикивал:

— Поднажми, ребята! Хуже смерти ничего не бывает…

— А помирать неохота! — крикнул солдат, который сидел напротив Вани и с такой силой греб, что лодка при каждом взмахе весел рывком устремлялась вперед.

Ослепительно сверкнул огонь, и на Ваню обрушился столб воды. Лодка закачалась и пошла ко дну. Скрылась в воде широкая окровавленная спина солдата, который говорил: «А помирать неохота!» Она и заслонила Ваню от смерти.

Не выпуская автомата, Ваня плыл, пока ноги не коснулись дна. Сержант уже выбрался на крутой берег, закричал:

— За мно-о-ой!.. Впе-е-ре-ед!

Ваня вскарабкался на обрыв, залег в цепь с пехотинцами и стал стрелять из автомата в серо-зеленые фигуры. Немцы откатились. Потом снова пошли в контратаку. На этот раз двигались почему-то плотной колонной. Солдаты открыли было огонь, и тотчас послышался голос командира роты:

— Прекратить огонь! Это ж на-а-ши-и!..

Оборванные, в потемневших кровавых повязках, с глазами, горящими бешеной радостью оттого, что наконец-то вырвались из окружения, бойцы падали в цепь пехотинцев, жали протянутые к ним руки. Голодные, израненные, без сна и отдыха, они смотрели не раз смерти в глаза и не боялись ее принять, — страшнее всего для них был плен.

Справа от Вани залег весь перевязанный затвердевшими грязными бинтами сморщенный старичок. Только присмотревшись, Ваня понял, что это совсем еще молодой парень,

просто он был очень худ и измучен. Увидев ящик с патронами, парень так и затрясся от радости. Но у него не хватило сил зарядить себе диск. Кто-то из пехотинцев протянул ему кусок хлеба; он посмотрел жадно на хлеб, все пытаясь зарядить диск. Ваня отдал ему свой автомат. Тот как припал к нему, так и стрелял, пока не отбили контратаку немцев. Лишь после этого принялся за хлеб. Ел, бережно держа кусок в ладонях, чтобы ни одна крошка не пропала…

Ване хотелось увидеть лейтенанта. Он слышал, как звонкие «сорокапятки» и громкие бронебойки палили слева, где-то неподалеку. Но он не мог оставить свое место в цепи. Окруженцы всё шли и шли, падали в цепь, яростно стреляли и швыряли гранатами в фашистов…

Смертельно раненного Сологуба привезли в санбат. Узнав о случившемся, прибыл с другого участка фронта командарм Чуйков.

— Иван Петрович… Ваня… — Присев рядом, он дотронулся до руки комдива.

— Ты кто?.. Зачем тут?.. Переправляй, кажу, войска… — бредил Сологуб.

— Иван Петрович…

— Переправляй, кажу, спасай хлопцев…

— Это я, Василий…

— Василий?! — Узнав Чуйкова, Сологуб пытался приподняться. — Товарищ командарм, приказ выполнил…

— Спасибо, Иван Петрович, от всех спасенных, от всей армии…

Не знал еще тогда Чуйков, что совсем скоро ему придется вступить в командование этой самой 62-й армией, переименованной после Сталинграда за массовый героизм в 8-ю гвардейскую, а дивизия Сологуба из 64-й тоже перейдет в ее состав. В том, что легендарная армия прошла от берегов Волги до Берлина, была немалая заслуга тех, кто помог ей прорваться из окружения, кто отдал свои жизни в дерзком десанте за Дон — бойцов сибирской дивизии и ее командира Сологуба, который теперь умирал…

— Помнишь, Иван, как мы курсантами были… — Командарм старался отвлечь Сологуба и облегчить его последние минуты.

Сологуб пошевелил губами:

— То было, все было…

— А против Колчака как славно мы сражались. А помнишь Халхин-Гол, финскую?..

— То было, все было… — со стоном выдохнул комдив.

Чуйкову было тяжело видеть, как угасает его боевой друг, и он, пересилив себя, постарался сказать бодрее:

— Мы еще повоюем, Ваня.

— Всю жизнь мы с тобою воевали, товарищ командарм, а балакаем так впервой… — тихо сказал Сологуб и, собрав последние силы, улыбнулся. — Мечтал я, Василий, землю пахать. Видно, не судьба, помру военным.

«Да мы еще с тобой…» — хотел сказать Чуйков, но по лицу комдива пробежала словно белая тень, он вздрогнул и, как-то разом отдав себя смерти, вытянулся. Командарм встал у изголовья.

Немцы бомбили до самого вечера, мешая переправляться вырвавшимся из окружения. И Ване пришлось быть до вечера на той стороне. «Пусть капитан ругает меня сразу за все!» — приготовился он к самому неприятному. Возвратясь с последними десантниками, он вышел на лесную дорожку и увидел машины истребителей с пушками на прицепе. Странно только, что, кроме Черношейкина, сидевшего на подножке машины с винтовкой, никого из бойцов не было.

— Где наши? — спросил его Ваня.

Черношейкин махнул рукой в сторону берега и отвернулся. Федоров направился туда.

У последних деревьев перед песчаной косой, где он утром сидел в ровике с капитаном и комиссаром, полукругом замерли бойцы. Ваня протиснулся между ними и… отшатнулся: на плащ-палатке лежал Богданович. В лунном свете его лицо было чужим. И страшно было видеть неугомонного «железного капитана» недвижным. Если бы не перебитый осколками ремень, нельзя было бы в это и поверить.

Ваня отыскал глазами лейтенанта. Тому больше всех доставалось от капитана, а теперь по строгому, окаменевшему лицу лейтенанта текут слезы. Все бойцы беззвучно плачут, и с ними вместе комиссар Филин, сдвинув свои густые брови к переносью. У Вани подступил комок к горлу, защипало в глазах…

Мертвая тишина стояла вокруг.

Филин знал: все ждут от него слова. За этот месяц жестоких боев на Дону много он смертей повидал, много прощальных слов сказал на могилах товарищей. А вот сегодня нет таких слов у комиссара, чтобы выразить большое общее горе. Он понимал, что должен сказать что-то важное… И, оглядев всех, начал сдавленным голосом:

— Представьте себя с того самого дня, когда вы начинаете помнить себя… О вас заботится мать, рядом отец, и вдруг…

обрывается безмятежная юность. Ты — солдат. И от того, кто станет твоим командиром, кто тебя будет учить суровой военной науке и потом поведет в бой, будет зависеть многое: выполнишь свой сыновний долг перед Отчизной или покроешь себя позором.

Помните, в Сибири… Он поднимал нас ночью по тревоге и приказывал шагать с полной выкладкой по пятьдесят километров в лютый мороз. Мы месили снег. Падали. Проклинали капитана. И снова шагали. И вы, и я считали его жестоким. А когда на нас пошли шестьдесят танков у Чира… Вы знаете теперь, что помогло нам выстоять.

Он разрешал вам встретиться с родными, себе — нет, хотя семья у него была рядом, в Омске. И вы, и я тогда окончательно решили, что капитан наш — «сухарь». А сегодня в бомбежку он уступил свое место в ровике незнакомому бойцу, а сам погиб…

Слушали и удивлялись бойцы, как комиссар смог прочесть их думы, понять то, что у них на сердце… А он был такой же молодой, как они, поэтому и чувствовал то же самое. Он говорил про себя и про них. Именно эти слова им и нужны были.

Помолчав, комиссар тихо продолжал:

— Вот какой был наш «железный капитан»… Он всю жизнь отдавал себя другим и больше отдавал, чем брал. Он был коммунист.

Комиссар оглядел всех:

— Не плачьте, боевые друзья! Есть люди, которые не умирают. И капитан наш такой.

Бойцы стояли притихшие. Потом собрались было прикрыть тело капитана плащ-палаткой, но комиссар знаком попросил подождать и отстегнул от перебитого капитанского ремня планшетку. Не думал тогда комиссар, что много лет спустя встретит дочь «железного капитана» и отдаст ей эту планшетку. Заменили перебитый осколками ремень. Похоронили в полной форме. На белом песке вырос свежий черный холмик. Три прощальные автоматные очереди прокатились эхом над рекой.

Дон, еще утром бешеный от сотен снарядов, бомб и мин, сейчас притих и молча нес свои чистые синие воды, словно скорбел вместе с бойцами.

9

Жара не спадала, хотя август подходил к концу. Немцы бросали в бой свежие силы, но сопротивление дивизии сломить не могли. Казалось, комдив Сологуб, «железный капитан» и тысячи других не погибли, а продолжали ходить в атаку с живыми, стоять на рубеже до последнего патрона.

И еще бы сражалась дивизия на Дону, но пришел срочный приказ отступить, потому что немцы из района Вертячий уже вышли к северной окраине Сталинграда; прорывались они к городу и с юга. Ночью дивизия снялась и двинулась от Дона последней по узкой, еще не захваченной немцами полосе. Сзади, справа, слева наседали фашисты.

Машины истребителей танков двигались в сплошной тьме. С двух сторон доносился тревожный гул. Спиной к спине с Дымовым на снарядном ящике сидел Ваня, словно нахохлившийся воробей; полчаса назад, когда отъезжали, он получил от лейтенанта взбучку. Черношейкин попросил парнишку обойти сад, проверить, не оставили ли они чего в спешке.

— Тебе приказал сержант Кухта, ты и рыскай по кустам! — направляясь к машине, ответил Федоров. Он почувствовал себя на равных с ним правах после того, как его определили в батарею Дымова подносчиком снарядов, и гордился тем, что изучил пушку и при случае мог бы заменить наводчика.

— Ты кому грубишь, желторотый?! Он тебя учил, а ты… — налетел грозою лейтенант на Ваню. — Немедленно проси прощения у Черношейкина и обшарь до единого все кусты. Война тебе это или детский сад?

Ваня осмотрел все кусты в большом саду, исколол руки.

Комиссар Филин слышал, как Дымов отчитывал парня, и с улыбкой отметил, что любимая поговорка капитана перешла к лейтенанту. Он одобрял, что тот не делал скидок молодому бойцу. «Кто же из них первым заговорит?» — интересовало комиссара. Ваня переживал размолвку, а вот его юный лейтенант унесся мыслями далеко и мечтательно смотрел на луну и быстрые облака.

Ждать пришлось недолго. Ваня вскочил:

— Товарищ лейтенант, разрешите обратиться к ефрейтору Черношейкину?

— Комиссар тут старший, — заметил ему Дымов.

— Ну-ну, обращайся к ефрейтору, — подбодрил Филин.

— Товарищ ефрейтор, простите, что я с вами на «басах»…

— Ладно, Ванюшка, с кем греха не бывает… — пришел на выручку добродушный Черношейкин, довольный, что парень прочувствовал свою оплошность; а от Ваниной обиды на лейтенанта ничего не осталось растаяла, что легкое облачко.

Машина, притормозив, уперлась в колонну пехотинцев.

— Эй, истребители! Кто у вас главный? — спросили из темноты.

— В чем дело? — откликнулся Филин.

— Подвезли бы малость нашу сестричку, а то у нее с ногой совсем плохо…

Крепкие солдатские руки подняли девушку, как пушинку, опустили в кузов. Лейтенант подвинулся. Ване не понравилось, что кто-то сел между ним и Дымовым. Он отвернулся и презрительно буркнул:

— Берут тут разных на войну… они толком и обуться не могут.

— Федоров! — одернул его Дымов.

— А-а, это тот самый Федоров, который из палатки утащил вас? — со смехом сказала девушка.

— Он самый, — подтвердил лейтенант, в темноте сразу не узнавший Аню. — А вас после этого отправили в пехоту?

— Ну да, за вас и отправили. А я не жалею.

Дымов с Аней тихо переговаривались. Ваня крепился изо всех сил, чтобы не уснуть, голова его несколько раз склонялась к плечу девушки. Он встряхивался, отгонял сон. Но кончилось тем, что он уснул на ее плече. А она боялась пошевелиться и разбудить его.

Всю ночь ехали осторожно, с частыми остановками. Ранним утром колонны втянулись в длинную Яблоневую балку. Здесь-то их и настигли «юнкерсы»… Говорят, что до сих пор на дне этой балки выступает кровь. Может, это и не так, но весною там все красно от тюльпанов.

Проснулся Ваня от воя сирен пикирующих «юнкерсов». Бойцы горохом посыпались из кузова, с ними и Ваня. Дымов спрыгнул, махнул рукой, чтобы машины рассредоточились, побежал в придорожный кювет, но вдруг повернул назад: Аня никак не могла выбраться из машины. Только Дымов успел подхватить девушку из кузова, как подбежал Федоров и потянул его в сторону. Лейтенант не отпускал руку Ани. Так втроем они и завалились в канаву. Раздался взрыв. Пулеметная очередь угодила в ящик со снарядами на машине.

Ваня прижался к земле, но тут его больно ужалило сзади… Он дотронулся до штанов — на ладони осталась кровь. Ранило в самое неподходящее место. «Теперь все смеяться будут, а

особенно эта Косопырикова… Отправит еще в госпиталь!»

Горели машины, вдребезги разлетались повозки, стонали раненые.

— Окопайся и сиди здесь! — крикнул лейтенант и с Аней, Кухтой и Черношейкиным бросился спасать раненых.

«Как с резаного поросенка течет!» — досадовал Ваня. Индивидуального пакета на перевязку не хватило, пришлось сбросить гимнастерку и разорвать нижнюю рубаху на полоски.

Теперь нужно было отрыть ровик. Неподалеку, уткнувшись в землю, на противотанковом ружье лежал солдат, а сбоку у него торчала отполированная ручка саперной лопатки. Боязно было дотронуться до убитого, но Ваня превозмог себя, рванул лопатку. Торопливо вырыл небольшую ямку, попробовал свернуться в ней кренделем, но, поняв, что такая ямка не спасет, принялся снова рыть. Промокшие от крови бинты вместе со штанами присохли к телу и словно жестью раздирали рану, каждое движение причиняло боль. Углубив ровик, Ваня забрался в него, вытянул ноги и невольно вспомнил, как его, маленького, вот так же мать усаживала в корыте. Вдруг над ним возникло страшное, искаженное лицо солдата; он хотел укрыться в ровике, но, увидев, что место занято, побежал дальше и… ахнув, беспомощно осел на землю.

Ваня схватил валявшийся карабин, нашел в подсумке погибшего солдата бронебойные патроны и стал палить по крыльям бомбардировщиков, где находились бензобаки.

Неподалеку раздался шум мотора. В песчаной буре, среди вспышек разрывов и схлестнувшихся пулеметных трасс, среди сотен смертей ехал маленький, юркий «виллис». Ехал как ни в чем не бывало, лавируя между убитыми, горящими машинами, разбитыми повозками и тушами лошадей. Поравнявшись с Ваней, машина остановилась. Из нее выпрыгнул командарм Чуйков. За ним — три автоматчика и парнишка чуть постарше Вани.

— Молодец! — похвалил Чуйков стрелявшего по самолетам Федорова и, заметив перевернутую взрывом повозку (у нее еще вращалось одно колесо), приказал автоматчикам взять противотанковое ружье из-под убитого, у которого Ваня вытащил лопатку. Но когда стали переворачивать убитого, тот вдруг ожил…

— Почему не стреляешь?! — с гневом затормошил его Чуйков. — Мальчишка не оробел, а ты, медведь, дрожжи продаешь!

Бронебойщик, оглохший от бомбежки, обалдело глазел на грозного генерала, свалившегося в этом аду похоже, что с неба. Поняв, что солдат не слышит, командарм схватил обрывки

вожжей, привязал к колесу противотанковое ружье, зарядил, повернул колесо и выстрелил в пикирующий самолет. После этого бронебойщик бросился к ружью и начал палить, а командарм с автоматчиками и парнишкой уже поворачивали набок другие повозки и устанавливали бронебойки на колеса.

Теперь все отчаянно дрались за жизнь. Самолеты уже летали с опаской; с большой высоты бомбить узкую балку им было трудно, а обстреливать совсем невозможно. Но появилась новая опасность — дивизию настигали немецкие моторизованные части. Командарм приказал поставить пушки на прямую наводку.

Упираясь ногами в сыпучие скаты балки, Ваня помогал тащить орудие наверх. Он с интересом и некоторой завистью посмотрел на парнишку, спутника командарма, которого заметил еще во время бомбежки. Был тот старше и ростом повыше Вани, гимнастерка его и брюки сидели на нем как влитые, и носил он не ботинки с обмотками, а франтоватые сапожки. «Это только обмундировка хороша, а сам-то пожиже меня, — утешил себя Ваня. — Я бы его запросто поборол…»

Позднее он узнал, что совсем недавно этот парнишка привез на командный пункт Чуйкова тело убитого отца, начальника оперативного отдела армии Сидорина. Командарм, видя как тяжело сын переживает утрату отца, приказал ему сопровождать себя в одну из дивизий. С тех пор младший Сидорин и был неразлучен с Чуйковым.

Не успела батарея Дымова развернуться «к бою», показались немецкие танки. Они двигались стороной на большой скорости. Командарм приказал открыть огонь с дальнего расстояния.

Бой шел весь день — немцы постепенно сжимали кольцо.

Ваня, поднося к орудию снаряды, нет-нет да прикасался ладонью к своей позорной ране. Когда выступала кровь на штанах, он присаживался на песок, и получалось, что просто перепачкана обмундировка. Черношейкин спрашивал участливо: «Устал, Ванюшка?» — и разрешал встать на несколько минут заряжающим, а сам подносил снаряды. Заряжая пушку, Ваня мечтал, что, может быть, скоро ему выпадет счастье побыть и за наводчика…

— Ты ранен?! — воскликнула Аня, появившаяся совсем неожиданно, и потребовала: — Снимай штаны.

Ваня, конечно, не обратил внимания на ее слова и продолжал заряжать пушку.

— Снимай, тебе говорят! — подойдя, сказал Дымов.

— Пусть уйдет, тогда сниму.

— Держите его, — сказала лейтенанту Косопырикова, и тот послушно схватил Ваню за руки.

Она мигом содрала штаны с мальчишки и плеснула на рану йоду. Ваня презирал ее, поэтому даже не ойкнул. Она ловко и быстро его перевязала, после этого присела и стащила с себя сапог. У нее к ноге присохла старая повязка, девушка решительно отодрала ее. А Ваня-то думал, что она стерла ногу.

Небо оставалось еще светлым, а в балке уже сгущались сумерки. «Юнкерсы» прекратили обстрел и, развернувшись, легли курсом на свой аэродром. И тут все увидели скачущего вороного коня. С воздуха он хорошо был виден, потому что один из «юнкерсов», отделившись от других, спикировал на него. Немецкий летчик строчил по вороному. А тот, не разбирая дороги, несся к людям. По бокам били стремена, подскакивая, сшибались со звоном. Конь испуганно храпел и шарахался от лежащих бойцов. Самое простое было пристрелить его, но Дымов бросился навстречу вороному, вскочил в седло и ускакал в сторону, чтобы не навлекать огонь на людей.

Наконец совсем стемнело. Выбрались из балки. Ване казалось, что их со всех сторон окружили — не вырваться из полыхающего разрывами кольца. Время от времени подъезжал Дымов, невидимый на своем черном коне, и показывал направление.

Ехали до полуночи. Потом снова заняли оборону. Теперь уже в приволжской степи, не такой полынной, как донская. Сил не было держаться на ногах. Жгла рана. Ваня отдал бы полжизни за час сна. Но все долбили землю, и он долбил. Впереди кострами пылали домики аэродрома в Гумраке. Позади во все небо — зарево. Это горел Сталинград…

10

Когда-то здесь проносились пассажирские поезда, а сейчас рельсы с лестницами шпал встали на дыбы, телеграфные столбы расщеплены. У изрытой воронками насыпи в обгоревших кустах расположилась кухня и последние, избитые осколками четыре полуторки от противотанковых орудий; дальше по пригорку у шоссе, прямо на бахче, где арбузы были съедены и раздавлены проходившими войсками, расположились огневые истребителей; там же траншеи пехоты. Здесь всё — и тыл, и передовая.

Обгорелую траву пощипывали две лошади, на которых Овчинников, превратившись теперь из шофера в ездового, возил кухню и продукты. Спасенный лейтенантом вороной фыркал от запаха гари и ошалело косил глазом на Удовико. Повар пуще бомбы боялся коня с тех пор, как тот его лягнул, и сейчас, выскребая котел, поглядывал на вороного с опаской.

— Эй, Овчинников! — закричал он. — Вставай работать.

Овчинников похрапывал в ровике, не выпуская из рук веревку с привязанной коровой. Он не спал всю ночь, ездил в тыл дивизии получать «ходячий паек».

Неподалеку разорвалась мина. Корова испуганно замычала. Удовико стал еще ожесточеннее скрести котел — сегодня он был не в духе. Кто бы мог подумать, что его бывший помощник Ванюшка Федоров скажет ему такое!..

Ваня пришел с термосом ни свет ни заря.

— Пока завтрак не готов, может, чайку, сынок, попьешь? — предложил Удовико.

А тот раскричался:

— Буду я с тобою чаи распивать! Люди на передовой завтрак ждут, а вы прохлаждаетесь в тылу!..

«Какой же здесь тыл? — оторопел от возмущения Удовико. — Ко мне на кухню еще больше мин летит. Стреляют в вас, а попадают в меня». И, словно в подтверждение его мысли, поблизости разорвалась мина. Удовико вырвал из рук спящего Овчинникова веревку, привязал корову за машиной и полез в ровик. Донесся гул моторов.

Не успел Ваня спрыгнуть в щель, как посыпались бомбы. С двумя котелками, своим и лейтенанта, он ползал за водой к водостоку у железной дороги. Из одного котелка все пролил, в другом немного осталось. Сначала Ваня протянул котелок, конечно, лейтенанту, а тот — сержанту Кухте и кивнул: передай, мол, ей… Кухта с улыбкой отдал котелок Косопыриковой:

— Пей, Анечка, на здоровье…

Она, эта Анечка, прижилась снова у истребителей.

Противотанковую батарею Дымова придали пехотному батальону, в котором Косопырикова была санинструктором, и теперь она оказывала медицинскую помощь двум подразделениям. Ваня замечал, как она постепенно «отбивает» у него лейтенанта.

Отбомбив, бомбардировщики скрылись, и тут появилась новая партия. Самолеты летели на большой высоте с прерывистым рокотом перегруженных моторов. Ваня вытянул губы трубочкой и стал их передразнивать: «Везу-у, везу-у, везу-у…» Подали голос наши мелкокалиберные зенитки у разъезда Разгуляевка. «Кому? Кому? Кому?..» — вторил им Ваня. Рвались тяжелые бомбы. И хотя не до веселья, когда своих бомбят, но последние слова Ваниной импровизации: «Вам-м, вам-м…» — потонули во взрыве солдатского хохота. Анечка смеялась громче всех.

— Танки!

Смех оборвался, будто застрял в горле.

Танки двигались колонной вдоль шоссе. За ними цепью — автоматчики. Деловито затукал наш «максим». Ожили пулеметчики стрелкового батальона.

Ваня еле успевал таскать снаряды, а Черношейкин, заряжая, выкрикивал: «Бронебойным!»

Три танка загорелись, остальные застопорили и, не разворачиваясь, попятились. Из одной пылающей бронегромады немцы сумели выскочить через люк.

— Эх, вы-ы-ы!.. — закричал Ваня.

Пулеметчики дали несколько очередей.

— Давно бы так… — Ваня удовлетворенно отер капельки пота с курносого, в веснушках носа и стал выскребать палочку в контуре черного танка, нарисованного на орудийном щите. Парень ревниво следил за боевым счетом своего орудия и переживал, когда видел больше палочек на щите других пушек.

Вскоре атака повторилась. Теперь немцы наступали широким фронтом… Справа, по ту сторону железной дороги, они обходили поселок Орловку. Прислушиваясь к гулу боя слева, Ваня определил, что и здесь немцы продвинулись. Обстановку он оценил сразу, почти подсознательно, как бывалый солдат. И чутьем понял: им сегодня достанется…

На этот раз немецкие автоматчики наступали впереди танков и, понеся большие потери, все же ворвались в траншеи пехотинцев и стали окружать истребителей. Дымов крикнул:

— У пушек остаются по двое, остальные за мной!.. — и бросился с бойцами на автоматчиков. Комиссар — с ними.

Наводчика Ваниного орудия ранило в лицо, его хотел было заменить Черношейкин, но тут разорвалась мина, и осколок впился ефрейтору в руку. Ваня оттолкнул Черношейкина от панорамы:

— Таскай снаряды!

Трудно было сделать первый выстрел… Волнуясь, Ваня вертел ручку поворотного механизма и никак не мог совместить перекрестие панорамы с танком — тот быстро двигался, подскакивая на неровностях. Так и нажал спуск, боясь, что Черношейкин не даст ему больше палить. Орудие дернулось, в ушах зазвенело… Во второй раз Ваня поймал танк в перекрестие, но тоже промахнулся.

«Да я ж не даю упреждения, а фашист на месте не стоит…» — догадался он, дал упреждение и неожиданно для себя увидел, как танк с перебитой гусеницей завертелся на месте.

— Черношейкии-ин!.. Попа-а-али-и!..

Ваня целился теперь в башню, где располагались снаряды. Вот сейчас от его меткого попадания взорвется танк, а потом он выцарапает на орудийном щите палочку своего первого боевого счета. Но выстрела не получилось.

— Черношейкин! Снаряд! — Ваня оглянулся…

Ползком и перебежками, скрываясь в пожелтевших листьях арбузника, их позицию обходили немцы. Придерживая одной рукой автомат, Черношейкин умудрялся вести огонь. Едва Ваня успел спрыгнуть к нему в ровик, как сноп пуль с треском ударил по железному щиту орудия.

Черношейкин стрелял, пока в диске не кончились патроны, потом взял автомат за ствол и посмотрел на мальчишку: «Не робей, Ванюшка!»

Ваня не робел… Жаль, не довелось еще попалить из пушки — только дорвался! Он оглянулся… Лейтенант с комиссаром вели бой за траншеями. Если бы они вернулись, может, успели бы спасти его с Черношейкиным.

Чтобы не привлекать к себе внимания, немцы не стреляли и, не выпуская из рук автоматов, ползли, перебирая локтями, ползли страшные, словно кровью, перепачканные красной арбузной мякотью, смешанной с землей. Обнаружив, что у пушки остались двое без патронов, автоматчики решили взять их живьем. Ваня встретился взглядом с немигающими, остекленевшими глазами здоровенного немца, который нацелился на него, как удав на кролика. Сердце у парнишки замерло, но, пересилив, он показал немцу туго сжатый кулак.

Донесся треск автоматов. Лейтенант с комиссаром все дальше отгоняли немецкую пехоту. Теперь они не могли спасти

Ваню и Черношейкина. Немцы поднялись в рост, но вдруг позади них раздались раскатистые автоматные очереди… Это было так неожиданно, что Ваня с Черношейкиным опешили: «Что за чудо?!» Немцы бросились наутек. А из-за бугра, где была кухня истребителей, выбежали наши.

Ваня бросился к пушке:

— Черношейкин! Давай осколочные снаряды! — и навел орудие в сторону удирающих немцев.

Черношейкин зарядил орудие, и Ваня, нажимая пуск, увидел в глазок панорамы, как один из убегавших обернулся, — в нем он узнал того самого, с остекленевшими глазами. Немец дал длинную очередь из автомата… Кто-то из наших упал, а уж после этого раздался оглушающий, со звоном выстрел. Орудие дернулось, блеснул огонь разрыва… Фашисты, будто сапогом придавленные, так и остались лежать среди разбитых и гниющих желто-красных арбузов.

Позже Черношейкин и Ваня узнали, кто были их спасители. Около кухни в кустах находились раненые, среди которых был и бронебойщик Пивоваров. Он-то и заметил, как на огневые прорвались автоматчики, и с теми ранеными, кто еще мог двигаться, нанес неожиданный удар в спину фашистам. Повар как был с черпаком, так и бросился вслед за Овчинниковым, который, оторвавшись от всех, помчался наперерез немцам. Удовико бежал за ним, пока Овчинников не упал, убитый наповал автоматной очередью… И теперь раненые и несколько бойцов из расчетов перенесли его на плащ-палатке к кухне, собрались хоронить. Сюда же подошли комиссар с Дымовым. Удовико, совсем потерянный от горя, так и стоял, не выпуская черпака из рук.

Овчинников своей гибелью напомнил всем о себе. Всегда молчаливый и неприметный, он отлично справлялся со своим нелегким делом. Его мало кто замечал, мало кто задумывался над тем, что именно он доставал и доставлял под обстрелом продукты, что мог быть убитым уже не однажды.

Едва успели похоронить Овчинникова, как снова начался обстрел. Кто-то, спускаясь с пригорка, бежал к истребителям. Дымов первым узнал Аню. Запыхавшись, она подбежала к Филину:

— Товарищ комиссар! Комбат велел передать… Приказ получили перейти на оборону города. Немцы прорвались к Сталинграду.

Потом Аня затаенно-тревожным взглядом посмотрела на Дымова. Отпустив ее, комиссар отозвал лейтенанта в сторону:

— Без пехоты оставаться нам нельзя. И отходить без приказа — тоже. Понимаешь?

Дымов кивнул и сказал:

— Надо срочно посылать связного к комдиву.

— Пока он доберется, нас перебьют.

— Не перебьют. Я мигом слетаю.

Ваня оглянулся. Дымов бежал вниз по косогору. А когда Ваня, наконец, выскреб на щите орудия ту самую палочку, которую не успел выскрести утром, лейтенант уже во весь опор мчался на вороном вдоль железной дороги.

Немцы заметили отход нашей пехоты и перешли в наступление. Истребителям пришлось бы туго, не появись связные с приказом комдива: немедленно прорываться в Сталинград — городу угрожала опасность.

Филин приказал кухне и машинам отходить вдоль железной дороги, а истребителям и бронебойщикам — по шоссе. С боем прорвались к самому командному пункту дивизии у Мамаева кургана. Там Филин узнал, что Дымов был здесь и ускакал обратно. «Теперь на том месте, где мы стояли, уже немцы!» — с тревогой подумал комиссар Филин.

С командного пункта Дымов летел вихрем. Миновав прежнюю стоянку машин и кухни, он поскакал напрямик к огневым. И тут почуял что-то неладное… Будто пересек незримую линию — после грохота попал в странную, гнетущую тишину. Здесь ни бомбы, ни мины не рвались. Пехота, которая при нем снялась с позиции, почему-то рыла окопы… «Может, пришло подкрепление, пока я ездил?» — подумал лейтенант.

Поводья он натянул слишком поздно — оставалась всего какая-нибудь сотня метров, когда разглядел, что окопы рыли немцы. Послышались крики: «Рус командир, плен!..»

Все это лейтенант осознал, пока конь перешел с галопа на рысь. Бешено заколотилось сердце. Дымовым овладела отчаянная досада на себя… Влопался! Обидно, что никто и никогда не узнает, как он исполнил свой долг. Рука с пистолетом потянулась к виску… Но в последнюю секунду его охватила такая нестерпимая досада, что так нелепо погибнет, и он изо всех сил рванул поводья.

Конь, словно и ему передалось состояние всадника, с места понесся вскачь. Но уже через две-три секунды затарахтели автоматы и ударили крупнокалиберные пулеметы. Конь на полном скаку рухнул… Нога лейтенанта, прижатая тушей лошади, так и осталась в стремени. Нестерпимо болела коленка. Лошадь повернула голову… На Дымова смотрел большой грустный глаз вороного. Коню разворотило весь круп — густая теплая кровь за спиною лейтенанта образовала целое озерцо и подтекала ему под бок. Дымов попробовал вытащить ногу из-под

лошади, но безуспешно… Из-за бугра показались фигуры немцев. Лейтенант снял с шеи автоматный ремень — диска не было: он вывалился при падении и откатился. А враги приближались…

К вечеру истребители танков отрыли огневые на новом месте, отужинали и, едва притулившись к вещмешкам и скаткам, уже спали; дежурным остался сержант Кухта. Ваня не мог спать и сидел, вглядываясь в темень до рези в глазах.

— Сержант, кто-то идет, — заметил он.

Кухта прислушался:

— Тебе, Вань, померещилось.

— Идет, говорю.

— Кто идет? — крикнул в темноту Кухта. — Пароль?

— «Березка», — раздался девичий голос и в свою очередь спросил: — Отзыв?

— «Полянка», — ответил Кухта. — Проходи.

Подошла Аня:

— О лейтенанте ничего не слышно?

— Ничего, — строго бросил ей Кухта и посмотрел в сторону Вани: мальчишка и без того убивается.

— Тогда пойду, — вздохнула Аня. — Если что… сообщите. Ладно?

Сержант, досадуя на свою резкость, как можно ласковее заверил ее:

— Хорошо, сестричка! Тут же прибежим.

Немцы освещали ракетами свой передний край: зеленые и красные трассирующие пули прочерчивали темное небо.

«Ждать больше нечего», — решительно поднялся Ваня.

— Ты куда? — спросил Кухта.

Обмануть Кухту было невозможно, и он ответил прямо:

— Пойду, товарищ сержант, его искать.

Кухта сжал ему плечо:

— Где ты ночью найдешь? Утром обойдем все части, а теперь отдыхай, Ванюшка.

И не столько от ласковых слов сержанта, сколько от его крепкой руки почувствовал Ваня, что и тому лейтенант очень дорог. Но Кухта крепится, значит, и он должен.

Комиссар Филин, обойдя огневые истребителей и бронебойщиков, спустился в овражек и увидел, что у маленького костра задумчиво сидит Ваня, как он всегда любил сидеть, обхватив руками колени и слегка покачиваясь. Рядом с ним стояли два котелка с нетронутым ужином. Чтобы отвлечь мальчишку от горьких мыслей и как-то разговориться с ним, комиссар сказал:

— У тебя огонек? Прикурить можно?

— У вас же горит цигарка, — заметил Ваня.

— Верно. Вот чудак я.

— У меня, товарищ комиссар, так тоже бывает… — пришел Кухта на выручку. — Ищу кисет, а он у меня в руке.

«Что ему сказать? — думал комиссар. — Успокаивать, что лейтенант вернется, — глупо. Он ведь не маленький и понимает, что Дымов может не вернуться».

На этот раз комиссар не совсем угадал мысли Вани. Тот думал не только о лейтенанте, но и о многом другом… Почему-то вспомнил себя мальчонкой, как залез к соседу в огород напиться воды из родника. В нем была необыкновенно вкусная вода, и, чтобы никто из деревенских не заходил пить, сосед закопал родничок, но тот все равно пробился. Ваня пил и смотрел, как из чистого песчаного дна с кипеньем бьет фонтан. Зубы приятно ломило холодком. Вдруг в прозрачном роднике мелькнула тень… Не успел он поднять голову, как его хлестнул кто-то ремнем с железной пряжкой.

«Зверь ты! — говорил потом Ванин отец соседу. — Кулаком родился, кулаком и помрешь!» Железная пряжка рассекла до кости скулу мальчишки, шрам остался на всю жизнь.

Во втором классе Ваня спросил учителя: почему их сосед родился кулаком? Учитель ответил с улыбкой, что кулаками люди не рождаются…

А на войне Ваня увидел, что люди не только последним куском хлеба делятся, но и жизни отдают друг за друга. Комдив Сологуб погиб, чтобы спасти тысячи бойцов. Капитан уступил место в ровике незнакомому солдату. А теперь вот лейтенант…

И в нем как будто что-то оборвалось. Он мысленно, как бы издалека, оглядывал все, что было, что ушло и уже никогда не вернется.

Может, это уходило от него детство?.. И ранняя встреча с юностью заставила его по-новому смотреть на людей.

Так и не смог комиссар разговориться с ним и, приткнувшись головой к кусту, уснул; солдату, который всегда недосыпает на войне, было бы только к чему прислонить голову…

Проснулся Филин от ошалелого, радостного голоса Вани:

— Да вы ешьте, товарищ лейтенант, ешьте! У меня еще припасено. Товарищ лейтенант! Значит, вы достали диск автомата и уложили фрицев!

— Мг… — подтвердил Дымов, уписывая картошку с мясом.

Ваня лежал на земле, подперев руками голову, не сводил влюбленных глаз со своего лейтенанта и, потчуя его, забрасывал вопросами:

— Ну, а потом? Потом?..

— Откопал ногу…

— И всю ночь ползли? Да? — с восхищением ахнул Ваня.

Комиссару вначале показалось, что всю эту сцену он видит во сне. Он даже протер глаза… Дымов сидел целый и невредимый, в изодранных брюках, из которых торчали исцарапанные и побитые, как у озорного мальчишки, коленки. Филин ткнул лейтенанта в грудь:

— Ты, Огонь?!

— Я, — подтвердил Дымов и, запрокинув голову, стал пить чай из котелка.

— Откуда?

— С того света.

— Пусть он ест, товарищ комиссар, — ограждал Ваня своего лейтенанта, считая, что только он имеет теперь на него право.

11

Огромной силой фашисты навалились на оборонявшую центр города дивизию Сараева и овладели Мамаевым курганом, откуда виден не только весь Сталинград, но просматривался за Волгой и левый пойменный берег. Тот, кто владел Мамаевым курганом, владел ключом от города. И командарм Чуйков приказал дивизии Сологуба (ее именовали так и после гибели Сологуба) во что бы то ни стало взять Мамаев.

Истребителей танков вместе со стрелковым полком бросили в обход через Вишневую балку на штурм кургана. Несколько раз, достигнув вершины, наши откатывались под напором превосходящих численностью фашистов. Бой на Мамаевом кургане не прекращался и ночью… Темень прорезали сотни молний-вспышек. Все кусты, все деревца были сметены осколками рвущихся мин и снарядов. Там до сих пор на каждом квадратном метре сотни ржавых осколков, и лишь редкими островками пробивается жесткая, как проволока, трава.

Трудно было взять главную высоту России, как теперь ее называют. Раз за разом взбирались бойцы по скользким от крови скатам к вершине и снова ее оставляли. Бойцов становилось все меньше, пополнение, прибывающее прямо с переправы, таяло на глазах. Словно огромная жатка спускалась по скатам и безжалостно подряд все косила.

Окровавленный и страшный, Дымов кричал охрипшим голосом, толкая автоматом лежащих, поднимая их в атаку.

— Лейтенант! Не троньте! Это мертвые!.. — в ужасе закричала Аня и выпустила из рук плащ-палатку, на которой тащила раненого.

— Давай вперед, вперед!..

— Это убитые! Убитые! Не троньте их! Не троньте!..

— Ну же!.. Вперед, говорю!.. — замахнулся автоматом Дымов, и тут до него дошло, что перед ним Аня.

В свете догорающей зеленой ракеты он увидел ее испуганное лицо. Руки лейтенанта с автоматом опустились…

— Вы ранены, — сказала она и, догадавшись, что он не слышит в этом грохоте, крикнула: — Ранены в голову!

— Все ранены! — Дымов рванулся вперед и налетел на Ваню: — А тебе что приказали… Ступай назад!

— Не уйду! — Мальчишка вцепился в лейтенанта.

— Марш отсюда! — оторвал его от себя Дымов. — Придешь, когда захватим высоту.

— Товарищ лейтенант…

— Убирайся!.. — оттолкнул его Дымов.

Все пять дней и ночей были сплошным грохочущим кошмаром. В последний день штурма, уже к вечеру, не многие достигли вершины. И чтобы удержаться, из последних сил с остервенением долбили твердую, как гранит, не поддающуюся землю. Лишь после этого позволили себе прильнуть к шершавой, сухой стенке окопа и долго-долго тяжело дышали: «Нет, фашист, ты нас отсюда не сбросишь!»

Только теперь Дымов ощутил навалившуюся усталость, почувствовал боль в ноге; раненая голова с затвердевшей кроваво-черной повязкой гудела, в висках острой болью отдавался пульс. Отдышавшись, он ухватился руками за край окопа, заставив себя подняться, и огляделся кругом…

Впереди, в овраге, поросшем кустарником, скапливались фашисты. Позади, по всему кургану до самого низу, убитые — и наши, и немцы. Дальше… Огромный разрушенный город бушует морем пожаров. Волга, в мазуте, пылает красными языками. Лишь на той стороне широкой реки сквозь дымовую завесу синеют дубравы. «До самой Волги чертов немец дошел!» — сплюнул лейтенант: рот был забит сухой землей.

Справа от Дымова сержант Кухта и Черношейкин углубляли захваченные у немцев окопы, слева комиссар Филин с бойцами долбили сплошную траншею. «А где ж Ваня?» — подумал лейтенант.

Он приказал ему вернуться после того, как они закрепятся на вершине, а точнее, просто прогнал его. Теперь Дымов клял себя. Он знал, как Ваня, не смыкая глаз, дежурил у берега, когда он ходил в разведку за Дон, как под Гумраком собрался разыскивать его, пропавшего. Но и по-другому поступить было нельзя. Не мог же он позволить мальчишке идти с ними на штурм кургана.

Больше Дымову раздумывать не пришлось. Немцы двинулись в контратаку. И он строчил из автомата, бросал гранаты, кричал на подносчиков боеприпасов, чтобы они поворачивались быстрее.

Когда стемнело, фашисты прекратили наступление, но, мешая нашим закрепиться, жестоко обстреливали из пулеметов и минометов. И снова лейтенант отстреливался и остервенело долбил землю, соединяя свой окоп с траншеей.

Наконец соединили окопы в сплошную траншею, здесь же завалились на землю, всю изрытую минами, снарядами, бомбами, всю в острых, еще не остывших железных осколках.

— Эй! Кто там шевелится? — крикнул Филин в темноту.

— Может, товарищ комиссар, среди убитых какой раненый… — предположил Кухта. Он даже голову не в силах был поднять, не то чтобы сходить и посмотреть.

— Федоров! Ванюшка… Ты?! — с надеждой спросил Дымов.

— Это я буду, товарищ лейтенант… — подполз повар Удовико. — Насилу вас отыскал. Все штаны на коленках ободрал. В пехоте термос чуть было не отняли, так я уж молчком стал ползать… Вот узнал вас по голосу… — И протянул Дымову котелок: — Сготовил вам с Ванюшкой картошку. Говорит, все смоленские любят.

— А где он? — приподнялся на локте Дымов.

— Как — где? С вами был, — удивился повар, снимая термос с плеч.

Съев картофелину, Дымов передал котелок по кругу.

— Это ты молодец, что принес ужин, — похвалил Филин повара.

— Теперь немного надо готовить. Буду сам носить, — вздохнул Удовико.

— Это верно, — подтвердил Черношейкин, вытаскивая ложку из-за голенища.

В свете ракеты Дымов увидел обросшее щетиной, вытянувшееся лицо ефрейтора; его всегда пышные усы теперь как-то опали и висели сосульками.

— Наша, Черношейкин, высота! А?! — подбодрил его лейтенант.

— Наша… пуповина Сталинграда, — выдохнул хрипло Черношейкин.

— Теперь, значит… как в приказе Сталина… — заметил Кухта, — ни шагу назад.

Усталые солдаты молча жевали холодную пшенку с мясом и тут же засыпали.

Подобрав вместе с санитарами последних раненых, Аня подошла к Филину:

— Товарищ комиссар, лейтенанту Дымову надо сменить повязку. Прикажите ему идти в медпункт.

— Приказываю, — сказал Филин. — А вам сопровождать. Только пусть прежде примет пополнение.

Наконец прибыло с переправы пополнение. Дымов расставил бойцов, отдал все распоряжения, но, вместо того чтобы идти в медпункт, направился в штаб дивизии. Аня терпеливо ожидала его, но, когда, выйдя из штаба, он и на этот раз повернул в другую сторону, не выдержала:

— Это что ж такое? Вы думаете идти на перевязку?

— Пока не найду его, никуда не пойду.

Она поняла, что настаивать бесполезно, и отправилась с ним на поиски. Дымов послал ее узнать в похоронную команду, а сам пошел в пехоту. Так хотелось упасть прямо здесь рядом с

убитыми и заснуть, но, превозмогая усталость и боль в коленке, он заставил себя взобраться на курган и обойти все роты. В них осталось по десять — пятнадцать бойцов, и найти Ваню не составило бы труда. Дымов, прихрамывая, спустился с кургана и в темноте чуть не столкнулся с Аней.

— Ты, Косопырикова? — спросил наугад.

— Я, — отозвалась девушка, будто и не спала на ходу.

— Спрашивала в похоронной команде?

— Спрашивала. Среди убитых не попадался парнишка. А вот один командир роты говорит…

— Ну?!

— Говорит, с ними на последний штурм ходил мальчишка, по всем приметам похожий…

— Куда же он исчез?

— В бою не заметили.

— Убило! Да?!

Аня помолчала. Потом стала его уговаривать:

— Вам надо голову перевязать. И коленка небось болит еще.

— Черт с ней, с коленкой! Буду его искать, пока не найду. И ты ищи!

Одолжив у одного старшины фонарик, лейтенант ползком обшарил скаты кургана, осмотрел убитых. Больная нога распухла, и Дымов с трудом передвигался. Он еще раз расспросил бойцов из похоронной команды, не попадался ли им убитый парнишка. Но те ничего не смогли ответить…

На рассвете, еле волоча ногу, лейтенант, расстроенный, взбирался наверх. Неподалеку от своих позиций, среди саперов, оборудовавших наблюдательный пункт командующему армией, увидел парня в испачканном глиною обмундировании, он старательно тесал топором бревно.

Дымова словно жаром обдало:

— Ванюшка?!

— Ну, я. — Мальчишка отвернулся и продолжал работать.

— Рассказывал-рассказывал о своем лейтенанте, а встрече не рад? — заметил один из саперов.

— Федоров, ко мне! — позвал Дымов.

— Товарищ лейтенант, рядовой Федоров прибыл по вашему приказанию! — не глядя на Дымова, подчеркнуто официально доложил Ваня.

— За что ты на меня, Ванюшка, так… А? — обнял его лейтенант. — За что?

— А вы… Ты сказал: «Убирайся!..»

Мужская дружба, скупая на ласку, стыдлива. Ваня хотел обнять лейтенанта, но сдержался, выскользнул из его рук и,

присев, уткнулся лбом в колени. Дымов опустился рядом:

— Братишка… ты чего?

Ваня поднял на него уже сухие глаза и, справившись с волнением, сдержанно ответил:

— Да я ничего, товарищ лейтенант.

И Дымов тоже изменил необычный для него ласковый тон и почти строго спросил:

— Ты зачем это, Федоров, к саперам пристал?

Ване легче было, когда лейтенант обращался с ним строго, по-старому, и он свободно заговорил:

— Они, товарищ лейтенант, наблюдательный пункт командующему Чуйкову строят.

— Ну и что?

— У Чуйкова есть тоже пацан, вроде меня…

— Видел.

— Они обещали меня с ним свести.

— Зачем?

Ваня помедлил, потом выпалил:

— А затем! Этого пацана командарм везде с собою берет, а вы меня гоните… Вот я и рассказал бы ему, а он — командарму… Вам бы и приказали — ни шагу без меня!

Дымов рассмеялся.

— Ну, и ты уверен, что приказали бы?..

— А то нет, — серьезно ответил Ваня, — за милую душу.

— Ладно, братишка, давай помиримся, — протянул Дымов руку.

Ваня хитро посмотрел на лейтенанта:

— А не будешь гнать, товарищ лейтенант?

— Заладил одно: товарищ лейтенант, товарищ лейтенант! — возмутился Дымов. — Когда мы не в строю, я тебе друг — и точка.

— Ну, раз я тебе друг, — сжал Ваня руку Дымову, — я, Алеша, буду с тобою везде.

Они не в силах были идти дальше, тут же опустились на скат кургана, довольные, что нашли друг друга и снова вместе.

Уже рассвело. Ржаво-бурая во все небо туча закрыла громадный разрушенный город, раскинувшийся вдоль Волги на десятки километров, и отсюда, с вершины кургана, Дымову и Ване в редкие просветы дыма были видны скелеты зданий с огненными глазницами окон да одиноко торчащие черные заводские трубы.

— Все горит и горит… Кругом красно… — покачиваясь, обхватил руками коленки Ваня. И, помолчав, мечтательно сказал: — Встанешь, бывало, на зорьке, мать корову доит: цик-цик…

Парного молока испьешь с теплым хлебом, знаешь, с солью…

— Мг… — кивнул Дымов.

— А потом в лес по грибы… Сейчас как раз время по грибы ходить. А у вас?

— Я ведь тоже смоленский.

— Теперь там гады всё начисто сожгли, ничего не оставили. Если б не война, мы с тобой, Алеша, на заводе бы работали… Я — на станке, ты мастером или инженером.

У Дымова слипались глаза.

— Почему ж так?..

— Ты привык командовать, а я люблю машины. Поэтому и пушку уважаю. Если б не война, знаешь, где бы я был…

— Где?.. — уже с закрытыми глазами спросил лейтенант.

— Да в ремесленном…

Дымов сидел и вдруг завалился на бок. Испугавшись, Ваня стал его трясти:

— Товарищ лейтенант… Огонек… что с тобой?

Дымов спал мертвым сном. Ваня посмотрел на его осунувшееся лицо с кроваво-темной повязкой, поправил заломленную руку и подложил ему под щеку свою пилотку.

Послышались отдаленные разрывы.

— Аа-а?.. Атакуют фрицы? — встрепенулся лейтенант.

— Да никаких фрицев нет, Огонек… Спи.

Дымов тут же уснул.

Волоча по земле санитарную сумку, покачиваясь от усталости, подошла Аня и от изумления застыла:

— Ванечка?!

— Тише! — погрозил он ей. — Не видишь, спит…

Радостная Аня присела рядом с ним:

— Где ты был?

— Где был, там уже нет.

Глядя на спящего лейтенанта, она покачала головой:

— И про перевязку забыл. — И тихо позвала: — Товарищ лейтенант…

— Не тронь его, — зашипел Ваня.

Лейтенант тут же приподнял голову:

— Что?! Атакуют?!

— Аника-воин, — рассмеялась Аня, — давайте, я хоть здесь сменю повязку.

Ваня насупился, вздохнул и нехотя зашагал прочь.

— Ты куда? — окликнул лейтенант.

— Да я так… — бросил в замешательстве Ваня. — Посмотрю… чего саперы наработали.

— Только недолго, — улыбаясь, предупредил его Дымов. —

Одна нога здесь, другая — там.

Ваня обернулся и выпалил:

— Ладно, товарищ лейтенант! Как она уйдет, я сразу приду.

Аня рассмеялась:

— Почему он меня не любит?

Дымову было приятно, как Аня, придерживая его рукой за шею, накладывала свежий бинт. Ее огрубевшая солдатская рука казалась ему необыкновенно нежной и ласковой.

Аня закончила бинтовать голову лейтенанту, застегнула санитарную сумку:

— Дня через два опять сменю повязку.

— Интересно узнать…

— Что?..

— Когда я пропал, вы, Аня… правда прибегали?

— Все волновались, товарищ лейтенант…

— И вы?

Еще больше смутившись, она положила ему руку на плечо и тихо ответила:

— И я тоже…

— Смотрите-ка… любезничать начала! — раздался недовольный голос подошедшего Вани.

— Федоров! — прикрикнул лейтенант.

— Ишь ты! И рукою уже обняла…

— Федоров, молчать!

Но Ваня уже не мог сдержать своего возмущения:

— Что им война… им, вертихвосткам, только бы любовь крутить!

Дымов вскочил и в гневе залепил Ване оплеуху. У того слезы хлынули из глаз, и он убежал.

— Ваня! — пытался он остановить его. Но мальчишка даже не оглянулся.

В короткое затишье боя Дымов пытался заговорить с Ваней. Тот отмалчивался, а санинструктора Анечку — теперь ее батальон все время действовал с подразделением Дымова — совсем не замечал.

12

Обстановка в Сталинграде становилась все тяжелее, и дивизию Сологуба, словно челнок, командарм бросал из одного пекла в другое. После Мамаева кургана — на оборону уже разбитого завода «Красный Октябрь», потом, когда нависла угроза над районом «Баррикад», перевели туда. Здесь, в конце сентября, фашисты нанесли большими силами удар, и дивизия Сологуба оказалась прижатой к Вишневой балке, прозванной позже «Балкой смерти». Отбивались из последних сил в жарких развалинах, среди искореженного железобетона и горячего пепла. Жаркий воздух обжигал легкие. Тлели на бойцах гимнастерки. Лейтенант Дымов написал на своем комсомольском билете: «Отдам жизнь за Родину — ни на шаг не отступлю». Все комсомольцы так поклялись.

Боезапас был на исходе, и сержант Кухта, весь черный от гари, размахивая автоматом, поднялся:

— Ну, гады, подходи! Подходи!

— Ложись, директор! — сбил его с ног Дымов.

— Гранат нет! Патроны кончаются!

— Огонь! Хочешь, патроны будут? — подбежал Ваня к лейтенанту.

— Не прорвешься, не пущу!

— Гляди, гляди… — потащил его Ваня к груде дымящихся развалин. — Тут труба! Я пролезу! А больше никто не пролезет…

— Лезь! — приказал лейтенант и обнял его: — Если что… не обижайся на меня.

Ваня спустился в колодец и нырнул в трубу. Наверху было жарко, как в печи, все грохотало, а здесь сыро, прохладно, тихо. Пригнув голову, Ваня полз вначале на коленках, потом труба настолько сузилась, что можно было ползти, только подтягиваясь на локтях. «Если труба еще сузится, тут не только ящик с патронами не протащишь, но и сам не пролезешь», — подумал он.

Труба по горизонту опустилась ниже, появилась вода, застоявшаяся, едко пахнущая. Уровень воды все повышался, теперь она доставала Ване до горла. Задыхаясь от едкого, удушливого запаха, Ваня попробовал было перевернуться на спину, но передвигаться в таком положении не смог. Снова перевернулся на живот и, отплевываясь, полз и полз, пока не стало мутиться в голове. Руки и ноги скользили по противному осадку на дне трубы. Повернув голову набок, он прижался щекой к самому верху трубы и хватал ртом и носом смесь, в которой почти не оставалось кислорода. А уровень воды все повышался.

И тут произошло самое страшное… Его голова вся погрузилась в эту смердящую жидкость. Подбородок коснулся мягкого осадка на дне трубы. Ваня резко поднял голову и ударился затылком о верх трубы. И может быть, именно это вернуло ему силы. Ваня лихорадочно попятился назад. Отплевывался и пятился, пока под ним не стало сухо. Понял: из его затеи ничего не вышло. Но возвращаться назад ни с чем было еще хуже, чем погибнуть.

Отдышавшись, он все-таки решил ползти вперед. Добрался до того места, где жидкость заполняла всю трубу. Набрав в легкие побольше воздуха, нырнул, продвинулся вперед. В висках застучали молоточки.

Трижды нырял он… Наконец уперся в мягкую, как ил, кашицу — она, будто пробкой, закрывала всю трубу. Отполз на исходную позицию. Отдышавшись, вернулся к пробке, толкнул. Еще и еще раз пятился, глотал воздух и снова нырял. И вдруг его втянуло головой в самую пробку и понесло по трубе. Он задыхался, теряя сознание… Пришел в себя оттого, что кто-то тормошил его…

Ваню вынесло по трубе в такой же, как на той стороне, колодец. Здесь находился командный пункт батальона. И когда Ваня разворотил пробку, едкая жидкость хлынула на спящего комбата и напугала дежурного телефониста у аппарата. Они-то и привели Ваню в чувство. Узнав, кто он и откуда, комбат сказал:

— Мой батальон, друг, почти полностью погиб за «Баррикады». Вечером жду пополнения с переправы. Продержитесь до ночи, придем…

Командир батальона послал на помощь отделение бойцов — все, что у него было. На телефонном кабеле они волокли по трубе ящики с винтовочными и бронебойными патронами, ящики с гранатами.

К этому времени горстка пехотинцев и истребителей Дымова была окружена в каменных развалинах. Видя, что сопротивление наших слабеет, немцы постепенно сжимали кольцо. Они решили взять русских с минимальными для себя потерями и продвигались, прячась за броней танков. В этот самый момент и появились бойцы с ящиками боеприпасов. Танки подошли совсем близко, но вдруг… молчавшие до этого бронебойки и автоматы неожиданно начали стрелять. Полетели гранаты. Наши перешли в контратаку и отбросили немцев на прежние рубежи. Несколько танков горело среди развалин.

Ваню все благодарили, жали руку, а ему хотелось одного — напиться чистой воды и спать. Его одолела такая усталость, словно он перетаскал все тяжести на земле. Натруженные мышцы болели. Он уже сквозь дрему услышал, как Кухта говорил что-то

об Ане… И еще слышал, как немцы начали обстреливать из минометов.

— В вилку берут, подлецы! — возмущался Черношейкин.

Оказывается, Аня пробралась к горящему немецкому танку. Прежде чем его подожгли, он успел гусеницей засыпать в окопе раненого бронебойщика вместе с противотанковым ружьем. Откопав раненого, Аня на плащ-палатке притащила его в укрытие и теперь побежала за бронебойкой. По ней и вели огонь немцы. Ваня приподнял голову и увидел, как она, добежав до горящего танка, схватила бронебойку и повернула обратно. И тут земля, взметнувшаяся от разрыва мины, закрыла ее. Дымов сорвался с места…

— Лейтенант Дымов, назад! — закричал комиссар Филин.

Но не слышал ничего Дымов, бежал к Ане. Земля осела, и все увидели, что девушка лежит неподвижно. Теперь немцы открыли огонь по Дымову. Сон у Вани как рукой сняло. Он рванулся было за лейтенантом, но Филин успел его перехватить.

— Товарищ комиссар! Пусти! Его убьют!..

— Стой, тебе говорят! Не догонишь!..

— Так его ж убьют! Пусти!

— Чтоб сразу двух дураков убило.

Дымов подбежал к Ане, поднял ее на руки и пошел назад. Вокруг рвались мины. Но лейтенант ничего не замечал, с тревогой смотрел на ее бледнеющее лицо и желал лишь одного: чтобы она жила. Возможно, эта надежда и помогла ему пройти не задетым ни одним осколком. Тяжело дыша, он перебрался через груду битого кирпича, выдохнул хрипло:

— Плащ-палатку…

Черношейкин бросился в блиндаж.

Солдаты помогли опустить Аню на разостланную Черношейкиным плащ-палатку, бестолково сбились вокруг.

Аня лежала без стона. Только от боли кусала губы и смотрела на Дымова, как провинившаяся школьница на учителя. Дымов глядел на ее детские, в резиночку чулки. В те июльские дни, когда ехали на фронт, они были ярко-оранжевые. А теперь, штопаные и перештопанные, выгорели до неопределенно-белесого цвета. И как она умудрилась в них три месяца проползать, вытаскивая раненых, когда успевала штопать, стирать?

Застыли глаза Ани.

Только сейчас Ваня рассмотрел, что они у нее синие-синие. С улыбчивым лицом, с русыми волосами, подобранными строго на затылке, прикрытая шинелью Дымова, она лежала смирной девочкой, лишь ветер шевелил непокорную прядку волос.

Комиссар снял фуражку, за ним обнажили головы бойцы. Один Дымов застыл в оцепенении, не веря в то, что Ани уже нет… К нему подошел Ваня, взял за руку. Очнувшись, Дымов сорвал левой рукой пилотку, прижал ее к глазам, а правой так сжал Ване руку, что тот чуть не закричал. Но терпел: «Раз моему лейтенанту больно, пусть будет больно и мне!»

13

Ваня не знал, чем помочь Дымову в горе… Никогда не унывающий лейтенант ходил теперь как потерянный. И без того худой, он еще больше осунулся. Зато, когда начинался бой, его полные неуемной тоски глаза становились затаенно-суровыми, дерзкими, и тогда он снова был прежним отчаянным лейтенантом Огнем. Ваня старался не оставлять его одного, и Дымов не гнал его от себя, как раньше. В последнее время они совсем не расставались, и все стали называть их, как братьев: «младший» и «старший». Вместе ползали по расчетам, собирали у комсомольцев членские взносы. Когда оборвалась связь с командармом и посыльные к нему не смогли добраться, вызвался лейтенант, а с ним, конечно, и Ваня.

Отправились в ночь. Долго кружили среди горящих развалин, пробираясь к берегу Волги. От раскаленного сыпучего песка не спасали сапоги. Спустились с крутого обрыва и словно нырнули в холодный темный колодец. Под ногами хлюпал мокрый песок. Ветер на Волге дул свободно и порывисто, срывая с волн брызги. После жары Ваню знобило. В тени обрыва река у берега была черная, а дальше в ней отражался горящий город. На воде островками горела нефть. И Ване казалось, что город не отражается на Волге, а наяву горит на дне реки. Иногда порывы ветра приносили с пожарищ метелицу искр, и красные точки с легким шипением гасли в воде.

Впереди, будто огненная лава, стекала с обрыва из разбитого бака нефть. Подниматься на обрыв и обходить баки было рискованно: где-то в этом месте, предупредили Дымова, немцы вышли к Волге. Дымов с Ваней стали раздеваться. Они за это время научились понимать друг друга без слов. Скрутив ремнем обмундировку и сапоги, полезли в воду, и только сейчас почувствовали, что уже октябрь.

— Поближе ко мне держись, — сказал Дымов.

— Не бойсь, я и в прорубке купался, — успокоил его Ваня, дрожа от холода.

Горящую на воде нефть им пришлось порядочно огибать. Подплыв к берегу, услышали немецкую речь. Нырнув в глубину, долго плыли вдоль берега. Потом ползли по мокрому песку. Немецкие пулеметные точки стояли по самому обрыву.

За полночь, в мокрой обмундировке, продрогшие Дымов и Ваня разыскали в районе «Красного Октября» командный пункт армии, оборудованный под обрывом в шахте. Связным из дивизии Сологуба обрадовались и тут же стали готовить пакет с приказом

— дивизии переходить на оборону Тракторного завода. Эти несколько минут, пока Дымов получал пакет, Ваня, свалившись тут же на берегу, мертвецки спал. Едва Дымов коснулся его, Ваня уже был на ногах. Кто-то хриплым и усталым голосом сказал: «На дорожку погреть бы их горячим чаем, да времени в обрез. До рассвета им надо добраться. Дайте-ка хоть сухарей ребяткам».

Когда они уже отошли, Ваня оглянулся и в говорившем узнал командарма. Его лицо в красных отсветах от пылающей баржи казалось очень гневным. А руки командарма, что спеленатые младенцы, были перебинтованы.

Еще задолго до рассвета они добрались в штаб дивизии, укрывшийся в подвале сгоревшего дома. Ваня только вздремнул, как дежурный штаба крикнул: «Есть желающие идти в разведку в район Тракторного?» Вызвался Дымов. Он уже несколько дней не спал: видно, горе не отпускало его, и все рвался в бой. Лейтенант подобрал себе двух охотников. Ваню согласился взять до «ворот» — так разведчики называли выход из минных полей на оборонительной линии.

Снова пробирались среди пышущих жаром развалин. Разыскали за Тракторным заводом полк, на участке которого надо было вести разведку. Саперы провели через минные поля. Ваня остался у «ворот» и, замаскировавшись в окопе, вел наблюдение.

Дымов не смог углубиться в немецкую оборону: уже светало. Применив ту же тактику, что за Доном, он залег с разведчиками среди убитых накануне в контратаке наших пехотинцев. Так и пролежали разведчики весь день. А когда стемнело, стали рваться гранаты, началась перестрелка… В свете ракет Ваня увидел, как немцы, окружившие в овраге кухню, бросились врассыпную. Это наши «убитые» забросали их гранатами и обстреляли. Потом, как было условлено с Дымовым, Ваня, мигая фонариком, указывал разведчикам путь к «воротам». Помогал бойцам тащить толстого немца, а лейтенант прикрывал их автоматным огнем. Когда приволокли немца в штаб, у него зуб на зуб не попадал. Твердил одно: «Русские трупы ожили!..» И не сразу вырвали у «языка» сведения о немецких частях в этом районе.

В ту же ночь дивизия, получив пополнение, перешла на оборону Тракторного завода…

Два дня Ваня ходил какой-то торжественно-притихший, а на третий подошел к Филину с листком бумаги:

— Товарищ комиссар, разрешите обратиться?

— Одобряю, Федоров! Вступай в комсомол.

— Вы… откуда знаете?

— Да знаю уж. Давай заявление.

— Товарищ комиссар, — выпалил Ваня, — вам бы не Филин

дать фамилию, а прямо Рентген.

— Жив останусь, после войны переменю, — засмеялся комиссар и приказал Дымову: — Готовь Федорова. Чтоб Устав назубок знал.

В первую передышку лейтенант позвал Ваню, вытащил из планшетки книжечку с потертыми на сгибах страницами и почти наизусть прочел. Урок закончил так:

— Запомни свои права и обязанности: бить фрицев до последнего! Если ясно — точка политграмоте.

А на другой день пришел политрук из политотдела. Поговорил с Ваней, остался доволен его бойкими ответами.

— А как у тебя с дисциплиной, Федоров?

Ваня замялся, поглядел вопросительно на лейтенанта. Тот ответил:

— Ничего. Тянет на тройку.

Комиссар, бросив взгляд на пристыженного Ваню, заступился:

— Бывает и на пятерку.

— Бывает и на двойку, — беспощадно заключил Дымов.

Комиссар с политруком ушли. У Вани щеки пылали, что рябина на морозе. Лейтенант повернул его к себе:

— Не дуйся, братишка. И в комсомол вступишь, буду драить тебя с песком, пока человеком не сделаю.

Ване не терпелось получить такую же книжечку стального цвета, как у лейтенанта, но бои не прекращались. Лишь тринадцатого октября с полудня в районе Тракторного завода установилась необычная для Сталинграда тишина. Из политотдела комиссару позвонили.

«Как стемнеет, собрать комсомольское бюро. Будем Федорова принимать».

Раз такое дело, Ваня решил заняться своей обмундировкой: подшил подворотничок из сложенного вчетверо бинта; обнаружив в цехах Тракторного завода мазут, густо покрыл им ботинки; начистил пуговицы гимнастерки до ослепительного блеска. Черношейкин в развалинах одного дома нашел большие портняжные ножницы и подстриг его — получилось хотя и «лесенкой», но под пилоткой не видно.

Для всех истребителей, кто воевал от Дона, прием Вани в комсомол был праздником. И день выдался солнечный, теплый, словно еще не ушло бабье лето. В воздухе, отдающем гарью, летали паутинки; все было спокойно, не верилось, что идет война. И герой сегодняшнего дня Ванюшка Федоров сроднился с бойцами. Кто-то из них обучал его военному делу, кто-то помогал добрым советом. Каждый отдал ему частицу своего сердца. Они гордились своим воспитанником. И хотя он был единственным у

них сыном, рос неизбалованным и, по всему видно, неплохим человеком.

Черношейкин до войны вычитал где-то изречение восточного мудреца, что «легче сделать ученого, чем человека». И теперь усач развил свою теорию: «Если учить подлеца, он еще наитончайшим подлюкой станет. А если Ванюшка непорченый, то и наука ему идет впрок».

Сам же Ваня никак не мог дождаться вечера… Он сидел, окруженный бойцами из пополнения, и рассказывал им, как воевал с лейтенантом от самого Дона.

Но позвонили с командного пункта дивизии и передали приказ: срочно направить воспитанника части Федорова на левый берег. «Не вздумайте задерживать, — предупредили комиссара. — Командарм Чуйков приказал всем дивизиям отправить воспитанников в ремесленные и суворовские училища. Он и своего любимца отправил».

Комиссар Филин с досадой передал трубку телефонисту… С каким трудом он в свое время упросил «железного капитана» оставить в части дерзкого парнишку. А теперь, когда тот провоевал с ними три месяца, остепенился, приходится расставаться. Дымов опустил голову — не ожидал, что так скоро настанет разлука.

— Хочешь не хочешь, Огонь, а приказ выполнять надо, — вздохнул комиссар.

Дымов решительно поднялся:

— Ладно, сам поговорю.

Он вылез из окопа у заводской стены, где находился телефонный аппарат, и зашагал по площади Дзержинского. Здесь располагался его противотанковый район — три пушки, девять бронебоек, охотники с горючкой в круглых колодцах и пулеметчики. Лейтенант угадал сразу, что Ваня должен быть в скверике у крайней левой пушки — оттуда доносился оживленный говор. Но Дымов направился сначала к правому орудию, постоял с сержантом Кухтой, поинтересовался у него, как обвыкаются новенькие, и затем уже подошел к скверику. За эти несколько выигранных минут он прикинул, с чего начать разговор, чтобы подготовить Ваню к самому неприятному.

Увидев лейтенанта, тот вскочил и подал бойцам команду:

— Встать! Смирно!

Дымов махнул рукой:

— Вольно! Братишка, ты мне нужен…

Ваня привык, что Дымов при других всегда называл его «рядовым Федоровым», и необычное обращение насторожило. Но сегодня все были с ним по-особенному ласковы и радушны.

Они пролезли сквозь пробоину в каменной стене и, очутившись на пустынной аллее, пошли мимо разбитых цехов огромного Тракторного завода. Лейтенант молчал, и Ваня вопросительно смотрел на него.

— Выпускали бы сейчас тракторы, — начал Дымов издалека, — хотел бы здесь работать?

— Как побили бы вражину, конечно, хотел бы, — не задумываясь, отчеканил Федоров.

— Ты у меня прямо заправский вояка! — оглядел лейтенант ладного и подтянутого Ваню. — Жаль, молод больно…

— Уж и молод! А сам-то… — восторженно глядя на лейтенанта, сказал мальчишка.

Теперь лейтенанту еще труднее было огорчить Ванюшку, и он снова начал издалека:

— Если мы когда-нибудь расстанемся… Ты не забывай меня, братишка. Ладно?

— Как это — расстанемся? — Ваня насторожился. — Если переведут тебя куда, и я с тобой. Забыл, как поклялись на Мамаевом?

Дымову было впервые так трудно говорить. Он сейчас ненавидел себя: «Я Ванюшку как на медленном огне поджариваю!» — и сказал напрямик:

— А расстаться нам с тобой все-таки придется.

Ваня застыл как вкопанный, не спуская глаз с лейтенанта: «Что он такое городит?» А Дымов уже твердо продолжал:

— Хотя и поклялись, а придется. Не от меня зависит, братишка. Приказ командарма — отправить тебя в тыл.

Ваня, опустив голову, хотел что-то сказать и не мог. Оба стояли подавленные среди мертвых развалин цеха; в тишине с треском догорала деревянная будка. Но вот лицо Ванюшки просветлело надеждой:

— А я пойду к командарму и скажу: «Вам можно держать пацана, а лейтенанту — нет?..»

— Он уже отправил своего в тыл.

— А когда меня? — потухшим голосом спросил Ваня.

— Сейчас.

— Как же! — чуть не задохнулся мальчишка. — А комсомол?

— Ладно. Примут, тогда поедешь.

Они походили среди заводских развалин. Лейтенант пытался утешить Ваню. Говорил, что война не вечно будет и они обязательно встретятся. Но оба знали, что война будет еще долгая, и все может случиться.

Вечером в том же скверике, среди обгоревших и посеченных

осколками кустов, заседало комсомольское бюро. Пришел политрук из политотдела и прилег со всеми в кружок. Дымов прочел вслух Ванино заявление:

— «В комсомольскую организацию истребителей танков.

Прошу принять меня в Ленинский комсомол. Пока жив, не дам фашистским гадам напиться из Волги. Клянусь сражаться до полного истребления всех гадов на земле.

К сему, боец Иван Федоров».

Слушая свое заявление, Ваня с огорчением думал, что ему уже не придется до победного конца бить гадов.

— Какие будут вопросы к Федорову? — спросил лейтенант.

У комсомольцев было только одно желание Ванюшке: пусть учится так же, как воевал.

Комиссар Филин сказал:

— Ты, Федоров, потерял родных. Теперь знай: мы для тебя как семья.

Ваня сидел притихший…

Проголосовали. Политрук тут же вручил ему серый, будто с шиферными корочками, билет; на первой страничке, как и у лейтенанта, — ордена Боевого и Трудового Красного Знамени и написано его, Ивана Федорова, имя. Долго он ждал этой минуты. У него в руке был комсомольский билет, казавшийся красным в отсветах пожаров. Не выпуская билета из рук, он показывал его обступившим бойцам.

«Солдатское радио» разнесло, что утром повар доставит завтрак и увезет на ту сторону Ваню. К нему подходили проститься, просили самолично сдать на полевую почту письма…

На прощание дарили кто что мог. Сержант Кухта — немецкий трехцветный фонарик. Черношейкин уговорил взять у него кресало с камнем и фитилем — вещь надежная и на ветру не гаснет. Кто-то подарил ему даже немецкую гранату, будто она ему в тылу пригодится. От комиссара он получил на память компас, а лейтенант отцепил от пояса финку в чехле, с которой не раз ходил в разведку. У Вани заблестели глаза, но взять отказался: «Тебе, Огонек, нужней». Тогда Дымов сам пристегнул ему финку к поясу.

Потом они с лейтенантом думали о том, куда Ване поступить учиться. И порешили: раз он хочет работать на станке, прямой смысл пойти в ремесленное училище. Еще их волновало, как они разыщут друг друга после войны. Но тут Дымова вызвало начальство, и разговор они отложили до утра.

Ваня прилег в кустах сквера — отсюда просматривалась вся площадь Дзержинского перед Тракторным заводом с расходившимися от нее веером улицами. Он наверняка увидит

лейтенанта, с какой бы стороны тот ни возвращался. Бойцы спали, только дежурные оставались у орудий. Ожидая Дымова, Ваня нет-нет да притрагивался к карману с комсомольским билетом, не удержавшись, вытаскивал еще раз взглянуть.

В ту ночь немцы не стреляли, не жгли ракет. Все замерло. Лишь языки пламени, как огромные крылья, трепетали, пожирая развалины, изредка потрескивала в огне смолистая балка, да с шумом осыпались кирпичи. И снова — тишина. Что она таит в себе? Что задумал враг? Когда обрушится? Нет ничего хуже на войне такой зловещей тишины…

Сколько было бессонных ночей у Чуйкова… Но эта особенно тревожна. Пламя от снарядной гильзы-лампы дрожало, и во всю стену блиндажа колыхалась тень склоненного над столом командарма. Он «колдовал» у оперативной карты: вымерял линейкой, прикидывая, чертил стремительные стрелы: синие — предполагаемые удары противника, красные — наши контрудары.

Перед входом в блиндаж был закуток, где находился радиопередатчик и телефонный узел командующего армией. Оттуда, когда радист крутил ручку настроя, доносился свист, морзянка, разноязычная речь, слышались распоряжения на русском и немецком языках, порою врывалась музыка. Иногда в блиндаж просовывалась голова телефониста с привязанной к уху трубкой, он докладывал, что по вызову Чуйкова такой-то командир на проводе или что срочно просят командарма из такого-то соединения. Чуйков брал трубку полевого телефона, стоявшего на столе, и отдавал четкие, лаконичные указания. Его все больше тревожила тишина в районе Тракторного, оттуда чаще всего вызывал он командиров дивизий и даже полков, приказывая докладывать ему обстановку через каждые полчаса.

Своего начальника штаба Чуйков попросил отдать приказ: всем дивизиям в районе Тракторного срочно пополнить боезапас до двух боекомплектов, комендантам переправ обеспечить «зеленую улицу» минам, снарядам, патронам и гранатам.

К рассвету командарм вышел из блиндажа на берег Волги освежиться и прогнать сон.

— Товарищ командарм, — тихо позвал радист, — идите послушайте…

Из радиоприемника звучал победный фашистский марш. Потом немецкий диктор прочел приказ Гитлера — 14 октября овладеть Сталинградом. В пятый раз приказывал фюрер овладеть волжской твердыней, и сейчас, по его словам, уже окончательно.

— Несколько раз передавали, — сказал радист и протянул перевод гитлеровского приказа.

— Понял без перевода, — бросил командарм и шагнул в блиндаж.

То, что немцы будут наступать, его не удивило, он этого ожидал по тем данным, которыми располагал. Но где они нанесут свой удар?

В районе Тракторного — затишье. Судя по всему, немец здесь что-то готовит. Но здесь ли направление главного удара?

В центральной части города оживление, фашисты атакуют. Может быть, они хотят этим отвлечь, а сами под шумок подтягивают силы, чтобы овладеть волжской переправой и тем самым парализовать наши войска?..

Когда начальник штаба позвонил и спросил, слышал ли командарм о новом приказе Гитлера, у Чуйкова уже созрело решение.

— Да, слышал, — ответил он и твердо сказал: — Еще раз проверьте мой приказ. Переправлять в район Тракторного завода только боеприпасы. Хлеба не будет — бойцы нас простят, а патронов не окажется — некому будет прощать.

Положив трубку, Чуйков прошелся по блиндажу, взъерошил волосы. «Говоришь, в пятый раз возьмешь?! Черта тебе лысого!..» С этой мыслью улегся на топчан — он обязан сегодня быть бодрым и уверенным в себе. Он должен передать свою уверенность всей армии.

14

Утро 14 октября 1942 года еще не наступило, ночь еще боролась с рассветом, но уже ощущалось дыхание нового дня — предутренний рассвет растворял ночь, темные, густые краски размывались светлыми. Вначале смутно виднелся лишь далекий правый берег, а над ним бушующее на десятки километров море огня. Потом из серой мглы стали выступать очертания обрыва и песчаной косы; с крутого берега из разбитых баков, будто расплавленный металл, устремилась к реке пылающая нефть и красными языками плясала на воде. Левый низкий берег еще скрыт в тумане. В отсветах пожарища, словно дымящаяся кровь, курилась широкая Волга…

Повар Удовико, как и сотни других поваров, с полуночи штурмовал солдат перевоза, требуя лодку, чтобы переправить термосы с борщом и кашей на ту сторону, но по приказу командарма Чуйкова на Тракторный в первую очередь перевозили боеприпасы. До этого их отпускали скупо, по голодной норме, и теперь перевозчики дивились щедрости командования.

В тот предрассветный час никто из бойцов в районе Тракторного не предполагал, что скоро, очень скоро они окажутся на направлении главного удара. Не знали, что уже сотни вражеских самолетов с тысячами бомб поднялись в воздух, что сотни танков выдвинулись на исходные позиции, что наши радиостанции поймали голос Гитлера, который в последний раз категорически заявил миру, что возьмет Сталинград. Всего этого не знали ни комиссар Филин, ни Черношейкин, ни сержант Кухта — они крепко спали. У Черношейкина длинные ноги не уместились в ровике, и он растянулся рядом с Дымовым прямо на земле. Всю ночь лейтенант ходил с проверяющими по переднему краю и лишь недавно завалился на боковую.

А Ваня так и заснул в обгоревших кустиках, держась рукою за карман с пропуском в будущее, и улыбался — во сне сбывалась его мечта… Они шагали с лейтенантом в белых полотняных костюмах на Тракторный завод, не мертвый и разбитый, как сейчас, а живой, поющий на все голоса заливистыми свистками маневровых паровозиков, ритмичным уханьем молотов, веселым шумом станков.

Но не сбыться Ваниной мечте. И повару Удовико, только под утро овладевшему лодкой, никогда не перебраться на правый берег. И те, кто отплыли с Удовико, тоже не вернутся…

Низко нависшие черные тучи сплошного дыма и гари долго не давали пробиться лучам солнца; под этим прикрытием

внезапно и налетела фашистская армада самолетов на район Тракторного завода…

— Возду-у-ух!.. — едва успели выкрикнуть дежурные, как рокот моторов смешался с воем сирен. На площадь Дзержинского посыпались бомбы.

Ваня проснулся от грохота. Показалось, будто его поместили под огромный колокол, по которому бьют разом тысячи молотов. Гул разрывов больно отдавался в ушах, вот-вот лопнут барабанные перепонки; от едкого дыма и горелой земли сперло дыхание. Не было сил терпеть этот раздирающий гул. Кто-то из новеньких, сидевших в ровике позади Вани, судорожно вцепился ему в воротник и сдавил горло. Оторвать руку было невозможно. Ване пришлось развернуться и двинуть новичка локтем.

Район Тракторного кромсали тысячи бомб. Немецкие эскадрильи висели в три яруса: вверху — «хейнкели», ниже — «юнкерсы», совсем на бреющем «мессершмитты» и румынские бипланы. Такого еще не было за всю Великую битву, не было и потом за всю войну. Казалось, фашисты бросили на чашу весов войны все, что у них было. И они, эти весы, могли качнуться тогда по-разному…

Сколько продолжалась бомбежка?.. Потеряли счет времени. Ваня разжал уши, когда земля стала оседать. И снова услышал рокот моторов, но уже не сверху. Он понял, что это — танки. Услышав команду: «К бою!» — выскочил из ровика…

Угрожающий рокот и лязг нарастал. От нестерпимого грохота Ване голову как обручем сдавливало. Из Ополченской улицы, что напротив, словно огромная гусеница, выползла бронированная колонна. Изрыгая огонь, танки палили из пушек, бесперебойно, точно швейные машинки, строчили пулеметами. Танков было не меньше трех десятков.

Слева с проспекта Ленина и справа с улицы Дзержинского двигались тоже колонны танков. Сколько же их? Сотня или больше? Пятнистые, зелено-желтые с черными крестами, они ломали на своем пути обгоревшие деревца и столбы, крошили и подминали под себя развалины.

«Беглый… огонь!» — раздалась команда. Волнуясь, боец из новеньких заторопился, не дослал снаряд и не смог зарядить пушку. Ваня оттолкнул его и ловко захлопнул замок.

Наводчик выстрелил и, запрокинув голову, схватился рукою за щит, сполз на землю. Ему перебило ноги. К панораме бросился командир орудия, но, как молния, сверкнула вспышка, разорвался снаряд… и с размаху упал командир, не поднялся. Необстрелянные солдаты из пополнения со страхом пригнулись, замерли у пушки.

— Ступайте в ровик! — крикнул им Ваня, чтобы сохранить их до времени (так всегда поступал лейтенант). — А вы двое таскайте снаряды!

Замковый и подносчик поначалу терялись. От каждой мины припадали к земле. Но мальчишка бесперебойно вел огонь, и им ничего не оставалось, как помогать ему. А в бою, когда занят делом, страх отходит.

Ваня едва успевал наводить орудие и палить по танкам, которые со всех улиц ринулись на площадь. Что делалось у других орудий? Как там лейтенант, комиссар, Черношейкин и другие?.. Этого Ваня не мог увидеть — вокруг все закрыло вздыбленной землей. По звонким выстрелам «сорокапяток» понял, что они ведут бой.

Сколько продолжалась первая атака, он не знал. В горячем бою теряешь чувство времени — иногда минута покажется часом, и наоборот.

Танки не смогли прорваться на площадь, восемь из них остались гореть. Один танк поджег Ваня. Остальные стали отползать к развалинам. Не успели они скрыться, как опять налетели самолеты. Бомбили долго. Потом снова атака… Ваня по слуху определил, что крайнее орудие уже не стреляет. Что с лейтенантом?

А в это время Дымов и комиссар сами вели огонь из противотанковых ружей, потому что оба бронебойщика погибли в самом начале боя.

Несколько раз лейтенант оглядывался на левое орудие. Но через бурую стену сухой земли ничего не было видно. «Успел ли уехать Ванюшка на ту сторону Волги?» — подумал с тревогой. Ему жаль было, что они по-настоящему не простились, и очень хотелось, чтобы «братишка» сейчас был в безопасности.

После второй бомбежки он собрался бежать к левому орудию, а пришлось броситься к правому — туда угодила бомба. Откопали они с комиссаром наводчика — и снова к бронебойкам…

Теперь фашисты двинули вперед автоматчиков. Снопы пуль с грохотом отбойного молотка стучали по щиту орудия. Только Ваня успел пригнуться, как вдребезги разнесло панораму и убило подносчика снарядов.

— Давай сюда! — махнул Ваня одному из бойцов, что укрывались в ровике, и стал наводить орудие по стволу.

Танки все ближе… А «охотники» с бутылками горючей смеси молчат, словно вымерли в круглых «колодцах». «Живы ли они?.. — подумал Ваня. Если погибли, и нам жить недолго…» Он не знал, что лейтенант запретил «охотникам» вступать в бой, пока танки не минуют их, чтобы наверняка швырять бутылки в

моторную часть.

Вот уже больше десяти танков проскочили «колодцы» и с ревом устремились на пушки. Сейчас раздавят!.. Но тут им в хвост полетели бутылки с горючкой. Синим огнем запылала жидкость на броне. Загорелись моторы, взорвались башни со снарядами. Идущие следом танки застопорили. Поползли назад. А истребители продолжали бить по ним из орудий.

Будто огненное ожерелье, полукругом пылали на площади четырнадцать танков. Но радость была недолгая. В небе опять «хейнкели», «юнкерсы», «мессершмитты»…

Горели развалины, асфальт, земля. Казалось, все живое уничтожено. Но когда снова ринулись танки, а за ними роты автоматчиков, истребители продолжали сражаться в бушующем огне. Раненые комиссар и лейтенант с группой бойцов палили из бронебоек, автоматов, швыряли гранаты. Немцы окружали их, вот-вот замкнется кольцо…

Ветром отнесло черный дым, развеяло бурую завесу земляной пыли. Глянул лейтенант и ахнул: из левого орудия вел огонь Ванюшка! Значит, не успел на ту сторону. И до боли обидно было Дымову, и гордость охватила за младшего «братишку»… Не ушел, не оставил его. «Отобьем сейчас фашистов, — решил он, — брошусь к нему… Не спасу, так вместе смерть примем».

Ваня тоже увидел своего лейтенанта, оторвался на миг от пушки, махнул рукой: «Будь спокоен за меня, Огонек!..» Немецкие автоматчики всё ближе, танки слева пошли в обход площади. Схватился Ваня за станину, разворачивает с бойцами пушку… Убило одного бойца, другого тяжело ранило, не вояка уже он. Надрываясь, Ваня рванул станину, повернул орудие на танки. Дал два выстрела. Кончились снаряды. А немцы совсем уже близко. Тогда прыгнул в ровик, схватил автомат убитого и ударил в упор.

Строчит Ваня по фашистам… Посмотрит: жив ли его лейтенант? Жив! И ему легче.

А лейтенант тоже оглянется на Ваню, и будто силы прибавится. «Продержись, братишка, еще маленько, — повторяет он про себя. — Отгоним, приду к тебе на выручку…»

Все гуще рвутся снаряды вокруг Ваниного ровика, и видит Дымов, как у мальчишки выпал автомат, схватился он за левую руку…

Раздробило Ване локоть, — боль такая, что мочи нет. А немцы лезут. Пока есть еще одна рука, не одолеть его. Он остервенело швырнул гранату, вторую, третью… Кровь хлестала из перебитой руки, а он все бросал, будто ненависть погибших воплотилась в нем одном. И сами фашисты, расстреливая в упор русского мальчишку, дивились его храбрости. И бойцы вслед за

ним делали то, что казалось невозможным: сражались небольшой группкой против десятков вражеских танков, обороняя в северной части Сталинграда родной клочок земли.

Знал Дымов, что не прорваться через кольцо фашистов, окруживших его с комиссаром, и все же бросился к Ване на выручку. Комиссар схватил его:

— Стой! Справа, гляди, справа прорвались, сволочи!.. — и толкнул Дымова к орудию.

Справа, к проходным завода, устремились танки. Их нельзя

допустить на Тракторный, за ним — Волга, а наводчик тяжело ранен. Лейтенант стал вести огонь из орудия, и одна мысль у него: «Успею подбить эти танки справа, может, и спасу Ванюшку…»

Но вот разорвался снаряд, у юного бойца оторвало кисть правой руки…

Облако дыма рассеялось… Дымов увидел Ванюшку. Он лежал, привалившись к бруствeру окопа. «Убило…» — подумал лейтенант.

Ваня лежал неподвижно, затем пошевелился, оторвал голову от земли… Несколько танков, обойдя площадь слева, устремились по узкому проходу вдоль развалин заводской стены. «Сейчас прорвутся, ударят с тыла, раздавят меня, а потом лейтенанта, комиссара, Черношейкина — всех… — промелькнуло в сознании Вани. — Но как остановить?! Как остановить их?!»

Он с отчаянием прижимал изуродованные руки к груди… Перед ним лежали противотанковые гранаты, а как их бросишь? И такая злоба обуяла его… «Нет, пока я жив, буду драться!» Ваня сжал зубами ручку противотанковой гранаты. Сжал так, что зубы хрустнули. А поднять не может: тяжела граната! Превозмогая адскую боль, он поддержал ее ранеными руками, выбрался из окопа…

И лейтенант, и комиссар, и все бойцы увидели, как над пылающей, исковерканной землей поднялся Ваня с гранатой в зубах и, подавшись вперед острым плечиком, смело пошел навстречу ревущим танкам…

Не знал он тогда, что уже близка победа в Сталинградской битве. Не знал, что за то время, что они участвовали в боях на Дону, на подступах к Сталинграду и в самом городе, произошли большие события: наши заводы, которые еще летом были частично «на колесах», перевозили свои станки и оборудование на Восток страны, теперь уже во всю мощь начали выпускать военную продукцию. И на Урале, и в Сибири ковалась победа. Были построены сотни самолетов, танков, пушек. И на правом, и на левом флангах широкого Сталинградского фронта сосредоточивались вновь сформированные наши танковые дивизии, корпуса, армии, пехотные и воздушные соединения, которые, перейдя потом в наступление, вскоре сомкнут могучие клещи, окружат и пленят трехсоттысячную фашистскую армию вместе с ее штабом и командующим фельдмаршалом Паулюсом. Но чтобы все это произошло, русским надо было выиграть сегодня решающее сражение в Сталинграде, надо было сегодня выстоять во что бы то ни стало.

Всего этого не мог знать Ваня. В ту последнюю секунду жизни

ему припомнилось, как на яркой поляне в дубовой роще он давал клятву… Как приняли смерть комдив и капитан на берегу Дона… Как погибла Аня, спасая других… Пришел и его черед выполнить свой долг, чтобы танки не прорвались к Волге, не уничтожили, не смяли лейтенанта с бойцами, чтобы они продолжали сражаться после его, Ваниной, гибели.

Окровавленный, он прижал к груди гранату, зубами рванул чеку и упал под грохочущие гусеницы танка… Раздался взрыв. Фашистский танк застыл, а за ним в узком проходе остановилась вся бронированная колонна.

И казалось, стихла канонада и гул жесточайшего сражения, будто фашисты отказались штурмовать волжскую твердыню. А потом снова, с еще большей силой разгорелась Великая битва. В тот день, как никогда, решалась судьба нашей Родины и многих народов мира…

Так шагнул в бессмертие мальчишка. Имя его теперь высечено на красном мраморном знамени в зале воинской славы памятника-ансамбля героям Сталинградской битвы на Мамаевом кургане. Всего день он был в комсомоле. И было ему в ту пору неполных пятнадцать лет…

Послесловие

Уже после того как в 1973 году вышло первое издание книги, автору стало известно, что жива мать юного героя — Наталья Никитична. Скоро ей исполнится 90 лет. Живет в родном селе Бурцево Ново-Дугинского района Смоленской области. В войну она потеряла четырех сыновей и мужа.

Когда фашистские бомбардировщики налетели на село и почти дотла его сожгли, Наталье Никитичне удалось вытащить из горящей хаты трех младших сестер Вани: Зину, Лиду, Машу. Вместе с односельчанами Наталья Никитична спасла от фашистских оккупантов колхозное стадо коров знаменитой сычевской породы. Как ни голодно было, его полностью сохранили в Ярославской области. А когда Советская Армия освободила Смоленщину от оккупантов, стадо снова пригнали в Бурцево. Со временем и село отстроилось заново.

Дочери Натальи Никитичны, подрастая, приходили на ферму к матери. Сейчас они известные на всю Смоленщину доярки. За самоотверженный труд все три сестры Вани Федорова награждены высокими наградами Родины, а младшая из них — Зинаида Федоровна стала Героем Социалистического Труда. Не раз выбиралась в высший орган республики — в Верховный Совет РСФСР.

На родине Вани Федорова в райцентре Ново-Дугино есть улица имени юного героя Сталинградской битвы; в средней школе — мемориальный музей героя. В стране много школьных музеев Вани Федорова и много пионерских отрядов и дружин носят его имя. Есть и комсомольско-молодежные бригады имени Вани Федорова. А Волгоградский обком комсомола утвердил приз имени юного героя Федорова, который присуждается лучшим из лучших молодежных бригад. В самом Волгограде, на площади Дзержинского, где совершил свой бессмертный подвиг Ваня Федоров, на школе № 3 установлена мемориальная доска в память о его подвиге, а в самой школе есть парта с мемориальной табличкой — завоевывают право сидеть на этой парте самые достойные ученики.

На открытие мемориальной доски в Волгограде приезжала Зинаида Федоровна. А мать Вани Федорова не смогла приехать в Волгоград: старенькая стала, часто болеет. Раньше проведывала каждый день свою ферму, смотрела, как работают дочки. Теперь только в погожий день, когда приезжает откуда-нибудь делегация пионеров и комсомольцев, она выходит на крылечко и рассказывает о своих сыновьях, о муже, организаторе и первом

председателе колхоза в Бурцеве, рассказывает о династии Федоровых, которая, говорят, берет свое начало от Василисы Кожиной, той самой старостихи-партизанки из Сычевки, которая еще в Отечественную войну 1812 года вооружила мужиков вилами и топорами и брала в полон солдат Наполеона на старой смоленской дороге.[1]

В династии Федоровых, как в капельке росы — солнце, отражается вся Россия. Все самое прекрасное из нашего народа россиян вобрали в себя Федоровы. Поэтому и Ваня Федоров с такой гордостью и бесстрашием сражался за всех Федоровых, поэтому и книга называется «Иван — я, Федоровы — мы».

notes

Примечания

1

Наталья Никитична Федорова умерла в 1981 году.